

Аида Арье

**Русские
ЭМИГРАНТЫ
И ИХ ПОТОМКИ**

ИСТОРИИ УСПЕХА

Аида Арье

**Русские эмигранты и их
потомки. Истории успеха**

«Грифон»

2018

УДК 929(470+570)
ББК 63.3(2)-8

Арье А.

Русские эмигранты и их потомки. Истории успеха / А. Арье —
«Грифон», 2018

ISBN 978-5-98862-409-7

О русских эмигрантах у нас принято рассказывать чаще всего с акцентом на нелёгкую судьбу и на выпавшие им испытания. При этом истории о достижениях и признании незаслуженно обходят стороной. Однако в этой книге русская эмиграция показана с непривычной, светлой стороны. Здесь собраны истории успеха наших бывших соотечественников и их потомков, добившихся признания за границей, но при этом – даже сейчас! – почти неизвестных у себя на Родине. Они представляют Корею, Японию, Сингапур и ЮАР, Италию, Францию, Великобританию, Парагвай и охватывают период примерно со второй половины XIX по 70-е годы XX века. Теперь современный читатель сможет познакомиться с выходцами из России – стойкими и упорными, сообразительными и предприимчивыми, и, конечно, очень талантливыми и успешными.

УДК 929(470+570)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-98862-409-7

© Арье А., 2018
© Грифон, 2018

Содержание

Предисловие	6
«Мы по свету её разнесли...»	8
Глава 1. Придворный архитектор Императора. Афанасий Иванович Середин-Сабатин (Корея)	10
Что ещё можно почитать о Середине-Сабатине?	34
Источники и литература:	35
Глава 2. Твид, крест и держава. Леди Кэтрин Мюррей, графиня Данмор (Великобритания)	36
Что ещё можно почитать о графине Данмор?	55
Источники и литература:	56
Глава 3. Святой Валентин из России. Фёдор Дмитриевич и Валентин Фёдорович Морозовы (Япония)	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Аида Арье
Русские эмигранты и их
потомки. Истории успеха

© Арье А., 2018

* * *

Моим дорогим родителям и мужу посвящается

Предисловие

Основным поводом для написания этой книги послужило распространённое в России мнение: «наших за границей не любят». Причём это зачастую произносится как окончательный вердикт.

Вердикт этот, по всей видимости, распространяется на все стороны жизни: от плохого отношения к туристам до невозможности русскому человеку добиться успеха на чужбине. В подтверждение вам обязательно приведут примеры русских гениев, которые не прижились в далёких краях (вспомнить хотя бы Цветаеву) и в итоге возвратились в родные пенаты. «Где родился, там и пригодился», – последует неременный вывод.

В конце концов, разговор сведётся к тому, что нас «там» презируют, считают чужаками в шапках-ушанках, культуру нашу не уважают, историей России не интересуются, а слово «русский» используют как синоним слову «варвар».

Чем чаще я слышала такие высказывания, тем больше задумывалась над тем, что почему-то мой личный опыт общения с иностранцами – совсем другой. И никак в эту схему невозможно уместить тех замороженных русской культурой людей, которые попадались мне во время путешествий.

Нет в этой схеме места милому английскому полицейскому, который не только любезно помог мне найти нужную улицу, но и, узнав, откуда я, радостно воскликнул: «О, Россия! Римский-Корсаков! Я так его люблю». И, к моему изумлению, начал насвистывать арию Варяжского гостя.

Или как втиснуть в это прокрустово ложе встретившегося мне интеллигентного немца из Мюнхена? Он собрал полную коллекцию книг Бориса Акунина и считает, что самый вкусный чай – непременно из русского самовара, который у него, естественно, есть.

Трудно включить в эту формулу и молодую японку, с которой я вместе изучала английский язык – и от которой получила прозвище «Анна-тян» в честь её любимого произведения «Анна Каренина».

Конечно, в жизни случается всякое, и наряду с положительными примерами межнационального общения можно с лёгкостью найти и отрицательные. Однако это доказывает лишь одно: к русским (как, впрочем, и ко всем другим народам) за границей относятся по-разному, и очень часто это отношение зависит от нас самих.

Но как быть с утверждением, что русские эмигранты не способны достигнуть громкого успеха? Сказать по правде, такие счастливчики у нас и впрямь не на слуху. Знающие люди, конечно же, вспомнят Сикорского, Дягилева, Шаляпина, Нуриева... в общей сложности наверняка наберётся с десяток имён. Но значит ли это, что на этом список обрывается? К тому же в большинстве своём нам известны те эмигранты, которые начали свою карьеру ещё в России, а затем уже продолжили её за границей. А есть ли такие, кто начинал с «чистого листа», не имея известного имени?

Думаю, вы удивитесь, узнав, как много славных русских людей известны за границей и при этом абсолютно незнакомы большинству наших сограждан. Полагаю, эту ситуацию вместе с мифом о «всеми нелюбимых русских» давно пора исправить. Настало время узнать о тех, кто создавал образ русского человека, максимально далёкого от «погонщика медведя с бала-лайкой», и воздать им дань уважения.

В этой книге вы встретите, пожалуй, почти неизвестные у нас имена эмигрантов из России и их потомков, которые смогли внести свой вклад (не всегда масштабный, но зато очень интересный) в развитие тех стран, где им довелось жить. Само собой разумеется, что их список далеко не исчерпан. Поэтому при удачном стечении обстоятельств продолжение непременно последует.

Что же касается успеха, то, как известно, он измеряется не только в деньгах. В первую очередь – это возможность максимально реализовать свои способности, осуществить мечты и, в конечном счёте, оставить о себе добрую память. В этом смысле все собранные мною биографии – это рассказы об успешных людях с очень яркими судьбами.

Однако жизнь многих русских эмигрантов до сих пор остаётся малоизученной, а источники информации – или скудны, или существуют только на иностранных языках. Посему я с самого начала не преследовала цели составить длинные «панегирики» с точными датами и мельчайшими подробностями. Данная книга – скорее попытка познакомить максимально широкий круг читателей с нашими соотечественниками – стойкими и упорными, волевыми, энергичными и сообразительными, отважными и предприимчивыми. И, конечно, очень талантливыми. В первую очередь мне хочется заинтересовать вас самой темой успеха русских эмигрантов и их местом в истории зарубежья. Остальное – дело более глубоких биографических исследований.

Ну а если после прочтения последней страницы кому-то удастся отказаться от скучной мантры «нас там не любят», значит, мои усилия потрачены не зря.

Приятных вам открытий и лёгкого избавления от стереотипов о нас самих!

* * *

Автор выражает большую благодарность переводческому бюро «Берг» за помощь в переводе с итальянского.

«Мы по свету её разнесли...»

*Не смела нас кручина, не выгнула,
Лишь согнула до самой земли,
А за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету её разнесли.*

Алексей Ачаир

Эти слова Алексея Ачаира (Грызова), казачьего поэта, двадцать лет жившего в Харбине, потом арестованного НКВД за якобы сотрудничество с японцами и после десяти лет лагерей создавшего хор из воспитанников новосибирских детских домов, в двадцатые и тридцатые годы непрерывно публиковали в русских эмигрантских изданиях. Их часто вспоминают в наши дни. Потому что они удивительным образом воплотили триумф и трагедию миллионов российских изгнанников, в силу страшных событий XX века потерявших Родину, но в большинстве своём продолжавших ей служить на чужих берегах.

Горькая шутка «Россия – родина слонов», родившаяся в советскую эпоху, на самом деле имеет очень большие и серьёзные основания. Потому что очень многие из тех, кто внёс своими деяниями огромный вклад в золотой фонд мировой науки и культуры, были либо выходцами из Российской империи, либо их потомками. Хотя сейчас мы вспоминаем, прежде всего, русскую эмиграцию эпохи революционных смут, есть замечательные примеры русских уроженцев, сделавших себе имя за границей и до 1917 года. Их мы тоже не должны забывать, судьба этих людей очень поучительна и интересна.

Сегодня мы уже много знаем о вершинах, достигнутых выходцами из нашей страны. Тысячи книг, статей и фильмов, в той или иной степени отданных «России вне России» и посвящённых этой бездонной теме и её героям – Бунину, Набокову, Сикорскому, Деникину, изобретателю видеомэгнитофона Понятову, Дягилеву... Этот список можно продолжать бесконечно.

Однако, как писала Ахматова, горек хлеб чужих земель. Для нас долгие годы эмиграция представлялась, как точно отметил Солженицын, «...тапёрами, кокаинистами и домиращими трупами». Князья и генералы, ставшие таксистами и швейцарами, княгини, моющие посуду, тоскливые песни под гармонь и плач на Пасху у русских икон – вот общепринятый очень долгое время взгляд на российское изгнание.

И, к слову, он во многом был верный. Но были ещё и казаки, работавшие на шахтах Силезии и валившие лес в парагвайской сельве, матросы и солдаты, с рассветом идущие на заводы Рено, молодые русские поэты, после тяжелейшего рабочего дня собиравшиеся в парижских кафе, где зачастую скидывались на одну чашечку кофе... Всё это, конечно, имело место. И тем больше поражаешься величию подвига эмигрантов, сумевших остаться русскими и не дать своим детям забыть, кто они и откуда родом.

Недаром сквозь страхи земные,
В уже безысходной тоске,
Я сильную руку России
Держу в своей слабой руке.

Так писал поэт Парижа Владимир Смоленский. Они продолжали припадать к руке своей Родины, которая была для них утрачена навсегда.

Всё исчезнет – и ревность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны...
Но останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

Эти строки казачьего поэта Николая Туроверова очень мощно показывают, что же было главное для тех, чьё состояние так гениально выразил Сергей Есенин: «... А теперь я милой ничего не значу / Под чужую песню и смеюсь и плачу».

И всё же были другие судьбы. Были те, кто сумел добиться успеха, кто унёс с собой не только тоску по оставленной Родине, но и предприимчивость, размах при ведении дела, качества, которые делали русских купцов ведущими европейскими меценатами, предприимчивость, конечно, сумасшедшие российские выносливость и стойкость. Изобретательность, ну и, безусловно, наш отечественный юмор, который столько раз не давал пропасть в самых сложных ситуациях.

Именно это делает столь интересной книгу Аиды Арье, которую вы сейчас взяли в руки. Потому что перед нами – невероятные примеры того, что Пушкин определил гениальными словами «Самостояние человека», истории победы эмигрантов (или просто выходцев из России, тех, кто по каким-то причинам вынужден был покинуть свою Родину) над обстоятельствами, которые, казалось, преодолеть было невозможно.

Писательница даёт читателям огромный заряд веры в возможности отдельных людей и разворачивает полотно судеб, которыми можно гордиться. И находит яркие примеры не только в бурном двадцатом столетии, но и в веке девятнадцатом...

И даёт нам возможность ещё раз прикоснуться к величию их подвига.

Виктор Леонидов,
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына

Глава 1. Придворный архитектор Императора. Афанасий Иванович Середин-Сабатин (Корея)

Согласитесь, сложно найти семью, в которой ребёнок не слышит ежедневных наставлений про жизненную необходимость хорошего образования. При этом венцом всех трудов принято считать диплом (желательно красный!) и гордое звание «дипломированного специалиста». Молодым людям не устают ставить в пример бесконечных родственников, друзей и знакомых семьи, чья жизнь сложилась, как по маслу, благодаря диплому. Вот дядя Витя, работает менеджером. Не последний человек в компании, между прочим! Или, к примеру, тётя Оля, своё дело открыла. Ну и что, что заканчивала физфак? Хорошее образование никому ещё не помешало! В любом случае без бумажки (в смысле, диплома) ты – букашка.

Никуда тебя не возьмут, и имя тебе будет «никто». Так что марш вперёд за корочкой! И как бы занудно эти наставления ни звучали, приходится признать, что большинство работодателей – приземлённые прагматики, ищущие как раз тех самых «дипломированных специалистов».

Но судьба – не работодатель. Судьба весьма изобретательна и любит подшутить над теми, кто привык двигаться в общем потоке. И выдвигает она «в люди» не по диплому, а по своей прихоти или по совету изменчивой Фортуны. А чем ещё можно объяснить тот факт, что многие известные люди, ставшие настоящими флагманами в своём деле, с точки зрения обывателя – самые настоящие неудачники?

Взять хотя бы Лайонела Джорджа Лога, логопеда-самоучку, излечившего от тяжелейшего заикания короля Великобритании Георга VI. Несостоявшийся актёр, логопед без образования, в общем, жалкий человечек, с точки зрения любого топ-менеджера. Но именно благодаря его усилиям и опыту король обрёл голос, ставший для британцев символом сопротивления во время Второй мировой войны. Размеренную речь с весомыми паузами, доносившуюся из каждого радиоприёмника, англичане слушали так же заворожённо, как жители СССР – сообщения Левитана.

К ныне почти забытому гению московского модерна Николаю Жерихову выстраивались целые очереди богатеев с просьбой построить им модный, современный дом. Догадывались ли они, что этот крестьянский сын не имел архитектурного образования? Быть может. Однако заказчики не сильно об этом беспокоились, ведь проекты Жерихова были модны, красивы, удобны – и успешно раскупались.

Недалеко от него ушёл и всемирно известный американский самородок Генри Форд. На одном из судебных процессов адвокат решил вывести Форда на чистую воду, продемонстрировав окружающим, что тот не знаком даже со школьной программой. «Ну и что с того? – невозмутимо ответил самоучка. – Зато вы все ездите на моих автомобилях!»

Героя нашей первой главы, талантливого архитектора, по справедливости можно отнести к той же когорте бездипломных гениев. Стечению обстоятельств было угодно сделать его уникальным архитектором. Однако, в отличие от Жерихова, он не был забыт. Ведь невозможно забыть того, кто оставался неизвестен на родине даже в период расцвета своего творчества. Тем не менее этому человеку с редкой судьбой удалось не просто добиться признания, но и связать тонкими нитями две страны с совершенно разными культурами. Нам осталось только постараться разглядеть их.

* * *

Выпускные экзамены... И сейчас, и сто лет тому назад эти дни – самые напряжённые для студентов. Те, кого ещё не пустили в экзаменационную аудиторию, толпятся рядом с дверью, пытаясь услышать хотя бы пару слов из тех вопросов, которыми профессора мучают выпускников. То и дело кто-нибудь поднимает над толпой взъерошенную голову, прижимает палец к губам и громким шёпотом произносит: «Тихо! Ни черта же не слышно!»

Другие, наоборот, предпочитают потратить последние минуты на зубрёжку недочитанных глав и сидят в стороне, уткнувшись в учебник. В глазах уже рябит, губы пересохли, но им всё кажется, что ещё одна прочитанная страница может их спасти. Ну а третьи уже давно на всё плюнули, ходят по коридору из угла в угол и периодически мешают тем, кто пытается зубрить.

Но вдруг столпившиеся около двери студенты замирают тише обычного. Что именно происходит за дверью, ещё никто толком не понимает, но экзамен уже позабыт. До любопытных ушей доносится отрывистое: «Да как вы смеете... Вы забываетесь... такой наглости...», и, наконец, громко и отчётливо звучит ожидаемое всеми: «Вон отсюда!»

Любопытные и одновременно напуганные студенты не успевают вовремя отпрянуть, и широко раскрытая дверь попадает кому по плечу, а кому и в лоб. В центре плотного кольца появляется разгорячённый молодой человек. Кажется, он всё ещё готов спорить со своим оппонентом, а то и придушить его.

– Середин? Ты? – удивляется кто-то из толпы.

– Билет неудачный?

– Ты же всё хорошо знаешь...

Все с нетерпением ждут подробностей.

– Да этот старый... да у него представления об архитектуре... – сбивчиво объясняет Середин.

– ...времен Очаковских и покоренья Крыма, – понимающе завершают за него.

– Ну и что теперь? Пересдача?

– Какое там! Старик сказал – всё, без диплома останусь.

– Как же так?! – студенты разве что за сердце не хватаются.

– Может, всё-таки извинишься? Чёрт с ним, с этим маразматиком, – советуют с разных сторон.

– Да на кой мне этот диплом! Всю жизнь, что ли, хотел домики, церквушки да дворцы для богатых господ строить? Больно надо! Вот, в морские кадеты подамся, – гордо провозглашает студент и покидает своих сокурсников с видом непобеждённого борца за справедливость.

– Вот чудак человек! А ведь был среди первых по всем предметам.

– Тоже мне, гордый! Мог бы свой спектакль попозже закатыть. Нам тут ещё сдавать и сдавать. А старик теперь злой. Ой, чувствую, полетят наши головы! – возмущаются вокруг.

* * *

Так ли наш герой покидал стены своей альма-матер или несколько иначе – на этот вопрос нет однозначного ответа. Существует также мнение, что всё его архитектурное образование свелось к годичному посещению в качестве вольнослушателя Академии художеств¹ в Санкт-Петербурге. Впрочем, версия про ссору с профессором вполне имеет право на существование и, как мне кажется, согласуется с авантюрным и свободолюбивым характером Середина.

История с Морским кадетским корпусом также не может претендовать на стопроцентную достоверность. Возможно, что не располагавший большими денежными средствами Середин закончил только морские классы. Иначе говоря, получил только среднее специальное образование, позволявшее ему работать шкипером каботажного плавания или штурманом дальнего плавания.

Вообще многое в биографии Афанасия Середина-Сабатина остаётся под большим вопросом. И тому есть множество причин. Во-первых, его звезда в полной мере взошла над небом другого государства, следовательно, в России о нём если и писали, то очень скупо.

Во-вторых, его постигла судьба многих гениев, живших на изломе эпох: за «железным занавесом» его имя оказалось ненужным. Все наши соотечественники, которые достигали успеха за границей, по политическим соображениям того времени становились «невидимками» в СССР. Так что даже самые опытные специалисты в области архитектуры просто-напросто ничего не знали о Середине-Сабатине.

В-третьих, имя замечательного архитектора долгое время оставалось в тени не только на его исторической родине, но и в той стране, которой он посвятил двадцать лет своей жизни. Виной тому – всё та же политика, негативное отношение к СССР и, следовательно, к России, между которыми было принято ставить знак равенства.

Однако начиная с 1990-х годов ситуация постепенно меняется. Бережно, буквально по крупицам, историки из обеих стран собирают сведения об этом удивительном человеке. Ради этого перечитывают газеты столетней давности, изучают государственные архивы, записывают семейные предания, которые хранят потомки Афанасия Ивановича. Однако полную биографию Середина-Сабатина ещё только предстоит написать. Тем интереснее открывать эту неизвестную страницу российско-корейской истории.

* * *

История Кореи того времени в чём-то похожа на историю соседней Японии: обе страны долгое время были закрыты для внешнего мира, не принимали иностранные суда и не желали общаться с «белыми варварами». Однако если Япония начала открываться внешнему миру в конце 60-х годов XIX века, то Корее предстояло сделать этот нелёгкий шаг лишь на исходе столетия.

¹ Императорская Академия художеств – высшее учебное заведение в области изобразительных искусств, существовавшее в Российской империи с 1757 до 1918 г.

К тому времени положение Кореи стало самым незавидным в регионе. Уже на протяжении почти трёх веков она платила дань Китаю, считавшему себя сюзереном Кореи. Постепенно накапливающая силы Япония также начала приглядываться к полуострову и заявлять на него свои права. Борьба двух сильных соседей за влияние над Кореей вылилась в японо-китайскую войну 1894–1895 гг. И, хотя официально Корея не принимала в ней участие, некоторые военные действия велись и на её территории. В итоге над страной установился жёсткий протекторат Японской империи, который фактически сводил власть короля Кореи к нулю. Маленькое государство, оказавшееся между молотом и наковальней, очень тяжело переживало это унижение.

Конечно, война 1894–1895 гг. назревала в течение многих лет, но что технически отсталая страна могла противопоставить двум сильным соседям? Корея не обладала ни сильной армией, ни развитой экономикой, ни техническими достижениями. Откуда искать спасения?

Король Кореи Коджон в конце концов решил бороться с одними варварами силами других варваров, а именно – силами европейцев. Говорят, эту идею подсказала ему супруга, королева Мин, которая всячески старалась вывести страну из-под влияния Японии.

По этой причине, начиная с 1880-х годов, Корея устанавливает дипломатические отношения с европейскими державами.

В страну приглашаются образованные специалисты, которым щедро раздаются места на госслужбе и даже в правительстве – беспрецедентный случай в истории Кореи. Главной целью было овладение новыми знаниями и технологиями, которые везли с собой «белокожие варвары». Кроме того, многие сведения об истории Кореи того времени известны нам только благодаря письменным свидетельствам, которые оставили эти «варвары».

Не последнюю роль среди приглашённых иностранцев играли русские. Оценив потенциал северного соседа, Корея очень надеялась на его помощь в противостоянии с Японией. В 1884 г. были установлены дипломатические отношения с Российской империей, а в 1885 г. в Корею из Санкт-Петербурга приехал первый официальный представитель – генеральный консул Карл Иванович Вебер.

Интересно, что Афанасий Середин оказался в Корее ещё в 1883 г., то есть раньше, чем с ней были установлены официальные дипломатические отношения. Он был если не первым, то одним из первых русских, поселившихся и начавших работать в этой стране. По какой именно причине штурман русского Восточного флота решил оставить мореплавание и обосноваться в незнакомых краях – ещё одна загадка в его биографии. Возможно, обзаведшийся к тому времени семьёй Середин решил, что кочевой образ жизни больше ему не подходит. Как бы там ни было, Афанасий Иванович впервые сходит на корейский берег в рыбацкой деревне Чемульпо (ныне Инчхон – третий по населению город в Южной Корее).

Вскоре Середин устраивается на службу к барону фон Мёллендорфу, начальнику всех корейских таможен. Именно Мёллендорф обеспечил Середина первой в Корее работой – его взяли для «землемерной съёмки в иностранном селтльменте² и строительства дворцов»³. Кем именно был этот немецкий барон на самом деле – до сих пор большая загадка. Многие историки склонны считать его чуть ли не тройным агентом, работавшим сразу на несколько государств – Китай, Германию и Россию. В начале 1880-х годов его возможности, благодаря прямому покровительству короля и королевы Кореи, достигли своего зенита, что позволило ему влиять даже на политические процессы, происходящие в стране.

² «Селтльмент» (англ.) – поселение.

³ Статья Т.М. Симбирцевой «Сеульский строитель», журнал «Восточная коллекция» за осень 2009 г.

Фотографии динамично менявшейся Кореи конца XIX – начала XX в.

Во всяком случае, барон действительно благоволил России и, насколько мог, продвигал её интересы в Корее. К примеру, Договор о дружбе и торговле между нашими странами от 1884 г. был заключён при его непосредственном участии. Ему же принадлежит инициатива пригласить русских военных для обучения корейских солдат. И хотя многие из его замыслов так и остались нереализованными, в 1885 г. русский генеральный консул Карл Иванович Вебер вручил ему одну из высших наград Российской империи – орден св. Анны второй степени.

Таким образом, работа Середина в Корее начиналась вполне успешно – под крылом у сильного покровителя и с большими планами на массовое строительство, без которого Корее было никак не обойтись.

* * *

Если посмотреть на политическую карту мира, то станет понятно, что открытие Кореи внешнему миру не могло состояться без создания полноценных морских портов. Согласитесь, мало нашлось бы желающих преодолеть по суше путь от Парижа до Сеула в условиях слаборазвитой системы железных дорог. Говорить же о крупном товарообороте между европейскими странами и Кореей силами одного наземного транспорта и вовсе не приходится.

Выбор короля пал на три небольших поселения: Вонсан на восточном побережье (ближе к России), Пусан на южном (по соседству с Японией) и Чемульпхо на западном побережье (обращённом к Китаю, и ближе всего к столице – Сеулу). Примечательно, что выбор оказался удачным – функции портов эти города сохраняют по сей день. Два первых порта в большей степени принимали товары из Японии и Китая, а вот третьему, по замыслу корейского правительства, предстояло обслуживать европейские корабли. Именно поэтому барону Мёллендорфу и понадобился толковый архитектор, готовый взяться за преобразование деревушки Чемульпхо в морские ворота страны. Осуществление столь амбициозного замысла требовало немалых усилий. Начать предстояло буквально с чистого листа: в рыбацкой деревне, разумеется, не было ни доков, ни складов, ни причалов (не говоря уже о прочих портовых сооружениях).

Однако задание заключалось не только в создании порта как такового. Нужна была соответствующая инфраструктура. Где разместятся прибывшие торговцы и моряки? Чем будут питаться? Кто их будет охранять? Это был настоящий вызов и для опытного мастера, Середину же предстояло сдавать жёсткий экзамен на архитектора не в аудитории, а в жизни. Однако что может быть желаннее для деятельного человека, чем испытание его таланта? Думаю, Середину льстило, что его знаниям, наконец, нашлось достойное применение.

Впрочем, волокита и распри, раздиравшие королевский двор, отодвинули осуществление этих грандиозных планов на целых пять лет. В то время каждое новаторское решение, хоть немного отступавшее от конфуцианских традиций, давалось корейской правящей верхушке с огромным трудом. Однако и без хлопот с генеральным планом портового города Середину было чем заняться в Чемульпхо.

За первый год своего пребывания здесь он ввёл в действие завод по производству кирпича для дворцового строительства, что, пожалуй, стало первым знаковым нововведением. Испокон веков королевские дворцы в Корее возводились из дерева, однако король Коджон серьёзно задался целью получить современную резиденцию. За заводом последовал проект здания морской таможни, строительство причалов и проектирование представительства немецкой компании «Е. Meyer and Co». Все эти проекты реализовывались под непосредственным началом русского архитектора.

Затем Середин от строительства зданий переходит к созданию первого в Корее общедоступного парка, который сейчас называется Парк Свободы и является излюбленным местом для прогулок в Инчхоне. Уникальность парка состояла не столько в его европейском облике, сколько в том, что в отличие от садов, разбивавшихся до этого исключительно вокруг королевских дворцов и гробниц, сюда мог прийти любой желающий. Оценили ли корейцы конца XIX века такое новшество – неизвестно. А вот поселившимся в Чемульпхо европейцам наверняка было приятно пройти по зелёному парку.

В 1885 г. Афанасий Иванович получает один из самых масштабных своих заказов – строительство здания русской дипломатической миссии в столичном районе Чондон. Эту возмож-

ность предоставил ему недавно прибывший в Корею первый поверенный в делах Карл Иванович Вебер, о котором мы уже упоминали ранее.

Сначала весь дипломатический корпус был вынужден жить в весьма стеснённых условиях, ведь в то время даже в Сеуле невозможно было сыскать ни одной гостиницы в привычном для европейца понимании этого слова (кстати, позже именно Середин исправит это положение вещей). Будучи эрудированным и всесторонне развитым человеком, Середин, по всей видимости, сумел произвести на Вебера самое благоприятное впечатление. По крайней мере, в направленном в Санкт-Петербург письме в Министерство иностранных дел с обоснованием затрат на строительство дипмиссии Вебер не скупился на приятные слова в адрес Середина:

«Я имею честь препроводить вновь составленную смету молодого русского господина Середина-Сабатина, построившего для короля в дворцовом городе в Сеуле красивый двухэтажный дом⁴. Я вполне уверен, что он исполнит работу добросовестнее вызванного мною из Токио японца. Кроме того, весьма приятно будет, если миссия будет строиться русским. План главного здания тот же, как и прежде. Планы же других построек переделаны и упрощены без особого ущерба для их назначения. <...> Общая стоимость 51,442 рубля»⁵.

Вместе с тем деньги на строительство приходилось буквально «выбивать». После долгих переговоров, напряжённой переписки и пересмотра плана строительства (как видно из письма, изначальный план пришлось упростить, дабы урезать расходы) МИД наконец-то выделило долгожданные денежные средства. Впрочем, размер этих средств, как водится, был существенно ниже требующейся суммы. Однако это не помешало Середину блестяще справиться с заданием и построить одно из самых красивых зданий в Корее того времени. Вот что пишет о дипмиссии дипломат С.В. Чиркин, служивший в Корее в 1911–1914 гг.:

«Наше генеральное консульство было прекрасно расположено на большом пологом холме, на вершине которого стояло главное здание, построенное в стиле итальянской виллы. Одноэтажный дом очень красив с анфиладой громадных высоких комнат и четырёхгранной башней на правой стороне... На площадке перед зданием генерального консульства и по склонам холма, спускающегося к бывшей Legation Street (ныне Тендоро), разбит великолепный парк вековых деревьев разнообразных пород»⁶.

К сожалению, на сегодняшний день от всего здания сохранилась лишь белоснежная башня, которая когда-то парила над основным корпусом миссии. Качество старых фотографий оставляет желать лучшего, однако даже по ним видно, что здание миссии, без сомнения, воплощало в себе могущество и богатство Российской империи. Постройка из белого камня, которая походила на итальянскую виллу эпохи Возрождения, величественно плыла над морем стареньких черепичных крыш корейских ханок⁷. Удачное расположение на возвышенности только усиливало этот эффект.

Если же вы хотите увидеть великолепное здание дипмиссии таким, каким застали его современники Середина, то посмотрите фильм «Русский кофе» режиссёра Чан Юн Хён, который весьма подробно рассказывает о непростых русско-корейско-японских отношениях того времени. В фильме с помощью компьютерной графики очень точно воссоздано здание на пологом холме. Элегантное внутреннее убранство в стиле классицизма создавалось на основе

⁴ Не до конца ясно, о каком именно двухэтажном доме идёт речь. Таким домом мог бы быть дворец для малых приёмов Тондокчон, однако он был построен позже здания дипмиссии. Информацию о каких-либо иных дворцовых постройках, возведённых Сабатиным ещё до работы над проектом дипмиссии, мне, к сожалению, найти не удалось.

⁵ Статья «Архитектор его величества Кореи» Т.М. Симбирцевой, С.С. Лёвшин. Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 12.

⁶ Статья Т.М. Симбирцевой «Сеульский строитель», журнал «Восточная коллекция» за осень 2009 г.

⁷ Ханок – дом, построенный в традиционном корейском стиле. При постройке такого дома учитываются рельеф местности и её сезонные особенности.

сохранившихся фотографий залов дипломатического представительства. Автору этой книги было особенно приятно, что в фильме не обделены вниманием такие исторические персонажи, как генеральный консул Карл Иванович Вебер и его родственница госпожа Зонтаг, приучившая Корею пить кофе. Именно она во время пребывания короля Коджона в русской дипмиссии познакомила его с этим экзотическим напитком. Но к теме кофепития в Корее (которая на сегодняшний день весьма актуальна) мы вернёмся чуть позже.

Здание было полностью завершено в 1888 г. И в том же самом году (не под воздействием ли от увиденной красоты?) правительство Кореи наконец-то вспоминает о своих грандиозных планах в отношении порта. 9 ноября 1888 г. был подписан один из самых важных документов в истории корейской архитектуры – план возведения портового города Чемульпхо. Ему суждено было стать первым городом, построенным в Корее по европейскому образцу. На плане среди подписей консулов семи стран стоит и подпись самого Середина-Сабатина.

Здание русской дипмиссии

На этом король Коджон не останавливается, и, пока ведутся работы по перепланировке Чемульпхо, поручает Середину спроектировать административное здание военного ведомства Чхингунён. По замыслу Коджона, старавшегося поднять авторитет своей страны в глазах иностранцев, ведомство должно было выглядеть не хуже на шумевшего русского представительства. Удалось ли русскому архитектору превзойти самого себя и создать новый грандиозный проект – неизвестно. К большому сожалению, до сегодняшнего дня не дошло ни фотографий, ни чертежа военного ведомства. Доподлинно неизвестно даже место его расположения. Однако что мы точно знаем об этом здании, так это то, что его возведение было связано с одним очень неприятным скандалом, навлекшим много бед на голову нашего героя.

Итак, Середин-Сабатин фактически становится придворным архитектором, которому делает заказы непосредственно сам король Кореи. Казалось бы, о чём ещё можно мечтать? Ведь придворный архитектор (а Афанасий Иванович не преминул указать об этом высоком положении на своих визитных карточках!) обычно всячески обласкан, деньгами не обижен,

живёт в собственном особняке, ну или, на худой конец, в просторном доме. На него и заказы сыплются, как из рога изобилия, и в обществе ему всегда оказывают почёт и уважение.

Но, к несчастью для Середина и его семьи, в которой уже подрастало пятеро детей, всё сложилось не так, как следует. Даже в период строительных работ в Сеуле жена Середина вместе с детьми оставалась жить в Чемульпо. Условия жизни в рыбацкой деревушке у них были скромными, причём эта скромность из года в год всё больше стремилась к убогости. Несмотря на государственные заказы, Середин месяцами не получал положенного ему жалованья (которое, к слову, и без того сложно было назвать большим). При строительстве же военного ведомства ему и вовсе задолжали за целый год работы! Середин занимал, где только мог, всё глубже влезая в кабалу, но в итоге наступил момент, когда ему просто перестали давать деньги в долг. Это был невероятно сложный период, связанный не только с бедностью, но и с постоянными унижениями. Кредиторы не стеснялись врывать к нему в дом со скандалами, но, видя, что взять нечего, обратились в дипмиссию с требованием оплатить долги этого несчастного русского.

Король Коджон

Почему же придворный архитектор впал в подобную нищету? Ведь излишне расточительного образа жизни он никогда не вёл, алкоголем не злоупотреблял, а порученную ему работу выполнял добросовестно.

На сегодняшний день даже корейские историки признают, что правительство того времени полностью погрязло в коррупции, а монарх в силу своей зависимости то от китайцев, то от японцев был крайне слаб. Корее предстояло из феодального общества перепрыгнуть сразу в начало XX века. А верхи вели себя типично: реакционные и либеральные группы из наиболее влиятельных лиц страны сгруппировались вокруг монарха и соперничали за влияние на него. Либералы хотели как можно быстрее преодолеть переходный период с последующим присоединением Кореи к остальному миру на правах независимого государства. Но их, как и следовало

ожидать, было мало. Реакционеры же воспевали заповеди Конфуция, ратовали за самобытность Кореи и, казалось, не против вновь вернуться «под крыло» Китая, лишь бы всё продолжалось по-прежнему. И таких, естественно, было много.

В эти беспокойные времена на первое место вышли поиски национальной идеи, самосознания, попытки найти наилучший для Кореи путь. В свою очередь «скучные» вопросы развития экономики отошли в тень. Казна постоянно нуждалась в денежных средствах, а правительство буквально крутилось, как белка в колесе, только успевая брать кредит в одном банке и погашать в другом. При этом любые действенные предложения по развитию внутреннего производства, поступавшие от европейцев, раз за разом получали вежливый, но решительный отказ правительства. Сколько копий сломал барон Мёллендорф, пытаясь развить в Корее шелководство, производство стекла и табака, добычу угля и золота! Под его проекты выделялись немалые деньги, но в последний момент правительство неизменно давало задний ход. Сама идея вмешательства иностранцев во внутренние дела Кореи претила многим корейцам и сталкивалась с глухим непониманием. Европейцем был и сам Середин, в связи с чем логично будет предположить, что, несмотря на благосклонность короля Коджона, при дворе ему были не особенно рады.

К тому же, любой переходный период – это не только противостояние мировоззрений. Это ещё и благодатная среда для временщиков и коррупционеров, живущих одним днём. При наличии таких людей во власти любые выделяемые на новые проекты деньги неминуемо утекут в никуда, словно вода сквозь пальцы.

Середину пришлось близко столкнуться с типичным временщиком по имени Хён Ын Тхэк, который был назначен его главным помощником. До получения заказа на строительство военного ведомства Афанасий Иванович занимался исключительно проектированием и наблюдением за ходом строительных работ. Однако в этот раз на него впервые свалилось ещё и руководство финансами. Полагаю, для него как для человека творческого, а вовсе не финансиста или бухгалтера, эта ситуация обернулась настоящей головной болью. Поэтому, когда Хён Ын Тхэк предложил свою помощь в ведении финансовой части, Середин вздохнул с облегчением. В свою очередь искавший личной выгоды помощник занялся тем, что мы сейчас назвали бы «распилом». В результате закупленные им строительные материалы оказались очень низкого качества, и строительство забуксовало. А подозрения в присвоении государственных денежных средств пали на финансово ответственное лицо, то есть на Середину.

Так началось очень долгое разбирательство, продлившееся целый год, в ходе которого архитектор не получал ни копейки и впал в крайнюю нужду. Хуже того, помимо «потери лица» он мог потерять доверие короля, что в восточном обществе равнозначно катастрофе. Сложно сказать, чем закончилась бы чёрная полоса в жизни Середин, если бы не помощь и.о. поверенного в делах и генерального консула России в Корее П.А. Дмитриевского⁸. Именно он подал ходатайство самому королю Коджону, где твёрдо заявлял о непричастности русского архитектора к исчезновению выделенных на строительство денег.

В конце концов, доброе имя Середин было восстановлено, и он даже получил причитающееся ему жалование, которое быстро разошлось на возврат накопившихся долгов. А строительство военного ведомства Чхингунён так и не было завершено (видимо, именно поэтому не сохранилось его фотографий). Разочарованный в придворной службе архитектор задумался

⁸ Павел Андреевич Дмитриевский (1851–1899), российский востоковед, в течение многих лет находился на дипломатической службе в Китае, а затем дважды по несколько лет в Корее. Был очень отзывчивым человеком, всегда оказывал помощь соотечественникам, попавшим в беду. Также курировал строительство миссии. Известно письмо К.И. Вебера, который 17 апреля 1891 г. писал ему: «Получивши на днях (...) отпуск в Россию, я весьма рад был узнать, что Вы назначены заступить моё место (...). Дел здесь, разумеется, немного; общество небольшое, но есть очень приятные люди, а климат – прелестный, какого на Востоке другого нет. Больше всего Вы будете заняты постройками. Вам, вероятно, известно, что в начале прошлого года была ассигнована сумма на постройку зданий здешней миссии. Мы строили весь год, но на Вашу долю ещё останется немало. Место у нас великолепное, самое лучшее в Сеуле и очень большое, но пока порядка нет...»

даже над тем, чтобы вернуться в Россию, но дело вновь упёрлось в финансы, а точнее, в их отсутствие. На выплату причитающихся ему по договору подъёмных средств у правительства уже не нашлось денег.

В качестве моральной компенсации король Коджон нанял Середина на должность «благородного свидетеля», что означало... сторожа при королевском дворце. При этом не до конца ясно, почему Середин снова не был назначен архитектором. Тут можно сделать три предположения. Либо, обжёгшись один раз на нечистоплотности корейских помощников, Середин больше не хотел заниматься строительством. Либо пустая казна уже не могла оплачивать градостроительные проекты короля. Либо же Коджон, убедившись в добропорядочности русского архитектора, теперь нуждался в надёжном человеке из европейцев при своём дворе.

Конечно, мы не можем сейчас с уверенностью говорить о причинах назначения Середина на весьма странную должность (всё-таки переход из архитекторов в сторожа – не рядовое событие!). Да и в чём именно заключались функции Середина при дворе – тоже не до конца понятно. Возможно, должность всё-таки была формальной... Но с какой бы целью Середин ни был назначен «благородным свидетелем», пользу от этого назначения сложно переоценить.

1895-й год в корейской истории в первую очередь ассоциируется с убийством королевы Мин. Японцы небезосновательно считали, что именно она являлась инициатором проведения «прорусской» политики с целью вытеснить захватчиков с полуострова. Как мы помним, таких же взглядов придерживался и барон Мёллендорф, однако он к тому времени уже был устранён со своего поста и опасности для японцев не представлял.

Тем временем влияние России в регионе постепенно нарастало. В 1895 г. под давлением России, Германии и Франции Япония потерпела дипломатическое фиаско и была вынуждена отказаться от Ляодунского полуострова, который изначально отошёл к ней по результатам японо-китайской войны. Россия же, в свою очередь, была заинтересована в аренде незамерзающих портов Ляодуня у Китая. Судя по всему, это поражение стало для Японии последней каплей, после которой было принято решение действовать радикально.

После победы в войне с Китаем Корея попала под протекторат Японской империи. Отныне король Коджон управлял под строжайшим контролем со стороны Японии. Он оказался ещё более жёстким, чем во времена китайского господства. Япония, которая и сама ещё совсем недавно была по европейским меркам отсталой страной, теперь ни за что не хотела упускать своей первой крупной победы во внешней политике. В ситуации, когда на карту была поставлена национальная гордость, и речи не могло идти о том, чтобы делить своё влияние в регионе с Россией или с кем бы то ни было.

Насколько существенным было влияние королевы Мин при дворе и насколько серьёзны были её планы искать политической, а возможно, и военной поддержки у России, можно судить по записям из дневника японца Кобаякавы, участвовавшего в убийстве королевы:

«Если оставить отношения Кореи и России в том виде, как они есть сейчас, то японское влияние на полуострове сведётся к минимуму, и судьбы Кореи будет вершить Россия. Это будет крахом не только полуострова, но и всего Востока и Японской империи. Умеренной политикой в Корею Япония не сможет противодействовать России. В таком случае как же надо поступить? Остается одно: прибегнуть к крайним средствам, прекратить корейско-русские контакты и устранить их сторонников. Говоря другими словами, надо устранить главную фигуру во дворце – королеву Мин – и тех, кто поддерживает союз с Россией. Если королевы Мин не станет, то какой бы ни был Вебер выдающийся, через кого тогда он будет влиять на Корею?»⁹

⁹ Статья «Убийство во дворце Кёнбоккун» Т.М. Симбирцевой.

* * *

Дальнейшие события находят разную оценку у историков в зависимости от того, по какую сторону баррикад они находятся. Мы оставим подробности возникновения и развития заговора против королевы Мин за скобками, поскольку оно не имеет непосредственного отношения к Середину. Для нас в первую очередь важно то, что на рассвете 8 октября 1895 г., когда королева Мин была убита ворвавшимися во дворец заговорщиками (среди которых, к слову, были не только японцы, но и корейцы), Середин оказался единственным свидетелем-европейцем, который впоследствии смог тщательно записать всё увиденное.

Ниже приведена небольшая часть подробного описания тех трагических событий, которое Середин изложил в докладной записке для русского вице-консула. Ценность этих строк очень велика:

«Меня толпа человек в 300 (солдаты, разная дворцовая прислуга и проч.) протащила во двор, где помещалась Королева <...> Поддаваясь течению охватившей меня обезумевшей толпы, я увидел во дворе помещения Королевы пять японских солдат, стоявших часовыми у двух калиток, и одного японского офицера. При этом там был взвод корейских новых солдат¹⁰ и 20-25 японцев в японских киримонах¹¹ и европейском платье. Японские часовые стояли неподвижно, равно как и японский офицер. Вблизи корейского взвода солдат стоял очень приличной наружности и весьма прилично одетый японец (в европейское платье). Японец этот имел в правой руке обнажённый кинжал и, по-видимому, распоряжался и командовал остальными японцами, которые с криками и визгом вытаскивали корейских женщин за волосы и бросали за окна (с высоты около 6 футов¹²). Всего за моё пребывание во дворе Королевы японцами было выброшено за окна во двор 10-12 женщин. Между прочим, ни одна из женщин не издала никакого звука, напр. вроде стоны или крика <...>»¹³.

Здесь я позволю себе заметить, что королева Мин, точно так же, как и Середин, на протяжении долгих лет оставалась жертвой политики в своей собственной стране. Но если о Середине долгое время просто умалчивали как в СССР, так и в Корее, то королеве повезло гораздо меньше. Её образ преподносился историками исключительно односторонне, при этом королеву неизменно изображали как предательницу национальных интересов, которая готова была подчинить свою страну России. Ей также приписывали всевозможные пороки – от поспешия корейских традиций до развратности и беспринципности.

Мы понимаем, что королева Мин не была ангельским созданием. Однако нельзя не признать, что столь негативное отношение к её образу сформировалось в результате натянутых отношений между СССР и Южной Кореей. На протяжении многих лет любое историческое лицо, так или иначе связанное с Россией, казалось как минимум подозрительным и неблагонадёжным.

Тем не менее, начиная с 1990-х гг., меняются отношения между странами, и вместе с этим меняется взгляд на опальную королеву. Всё чаще о ней пишут, как о мудрой правительнице, которая в непростое для страны время стремилась любыми путями сохранить суверенитет Кореи. В любом случае это была очень яркая, волевая и неординарная для своего времени женщина, которая всячески старалась балансировать между уходящими традициями и наступающей современностью. И, безусловно, с её гибелью Корея потеряла сильного политического деятеля, а Россия – своего союзника.

¹⁰ Имеются в виду солдаты, инструкторами которых были японские офицеры.

¹¹ Киримон – синоним кимоно.

¹² 6 футов равняется 1,83 м, что, в целом, не слишком высоко.

¹³ Статья «Убийство во дворце Кёнбоккун» Т.М. Симбирцевой.

Итак, Середин поневоле становится ценным и, следовательно, опасным свидетелем. Но, быть может, ему удалось бы остаться в тени и сохранить свою личность в тайне, если бы поверенный в российских делах Вебер не оказал ему медвежьёу услугу. Вот что писал сам Середин относительно своего непростого положения в те дни:

«То, что я сделался свидетелем Сеульского инцидента, я считаю для себя несчастным обстоятельством. Во-первых, его Превосходительство, Поверенный в Делах в Корее, посетивши совместно с прочими представителями (европейскими) в Корее Японского Посланника и выслушавши его заверения в том, что ни один японец не был замешан в нападении на дворец, сказал, что у него есть свидетель из европейцев, и передал Японскому посланнику всё, что я ему (Его Превосходительству) рассказал. Последствия этого были самые печальные <...>»

В тот же день вечером 8 октября <...> я был уведомлен одним европейцем и двумя корейцами, что очень вероятно на мою жизнь будет покушение, именно по той причине, что преступники из японцев и корейцев сильно подозревают, что я знаю очень много, что может их скомпрометировать; главное же, они боялись, что я могу их признать на могущей быть очной ставке. В результате мне пришлось не спать по ночам, а иногда, когда я получал уж очень тревожные для меня сведения, то приходилось и уходить на ночь из дому, что я и делал, чтобы не подвергать опасности свою семью <...> Получивши нервную лихорадку, находясь постоянно под страхом ожидания быть из-за угла убитым <...> я решил уехать из Кореи»¹⁴.

Таким образом, «благородный свидетель» был вынужден на некоторое время покинуть страну. Однако его бегство длилось недолго. Очень скоро под влиянием непредвиденных обстоятельств всё пошло не по тому сценарию, на который рассчитывали японцы. Несмотря на искоренение «главной причины всех бед» в лице королевы Мин, влияние России на полуострове ничуть не ослабло. Напротив, оно набрало силу и теперь могло составить реальную конкуренцию японским властям.

Причиной такого парадоксального возвышения России в глазах корейцев стали грубые и излишне самоуверенные действия оккупантов. Сразу после убийства королевы Мин к королю Коджону насильно приставили японских охранников и под надуманными предлогами заточили во дворец Кёнбоккун. Таким образом, на некоторое время король фактически стал заложником в своём собственном дворце. Но 11 февраля 1896 г. Коджону удалось тайно покинуть Кёнбоккун и бежать в русскую дипмиссию. Именно здесь он нашёл надёжное убежище и правил отсюда Кореей в течение целого года.

При этом для понимания расстановки сил на полуострове важно заметить, что факт присутствия короля в дипмиссии не считали нужным скрывать. Старые фотографии запечатлели, что в тот период над зданием миссии гордо развевались флаги Кореи и короля, ясно давая понять, где именно находится Коджон. Нарушить неприкосновенность русской дипмиссии японцы не решились: ведь одно дело – орудовать в завоёванной стране, и совсем другое – напасть на представителей независимого и сильного государства. Подобный конфликт мог дорого обойтись Японии.

Тем временем народ с воодушевлением воспринял новости о побеге своего государя. По Сеулу сразу расползлись слухи, что ещё при возведении дипмиссии между нею и дворцом Кёнбоккун Середин проложил секретный подземный тоннель, по которому и бежал король. Правда, эти домыслы были опровергнуты уже в наше время: несмотря на активные поиски, исследователям не удалось найти никаких подземных ходов.

В период нахождения Коджона в русской дипмиссии влияние России в этом регионе достигает своего пика, а архитектурная карьера Середины-Сабатина делает очередной виток.

Афанасий Иванович возвратился в Корею через несколько месяцев, когда опасность миновала, а король Коджон уже пребывал в полной безопасности. Его первым новым заказом

¹⁴ Статья «Убийство во дворце Кёнбоккун» Т.М. Симбирцевой.

стало проектирование Ворот независимости (Тонниммун), которые были задуманы как символ освобождения от 300-летнего китайского владычества. К слову сказать, Коджон несколько поспешил с возведением этих ворот, ведь на протяжении всей первой половины XX столетия Корее ещё предстояло доказывать своё право на существование в качестве независимого государства. Да и японское присутствие на полуострове постоянно напоминало о том, что до истинной свободы ещё далеко.

Тем не менее ворота Тонниммун стали первым памятником подобного типа в Корее. Многие сравнивают их с Триумфальной аркой в Париже, однако я позволю себе не согласиться с такой аналогией. Если не считать самой идеи создания ворот как символа победы и триумфа, то все остальные особенности Тонниммун существенным образом отличают её от Парижской арки. Ворота независимости построены в выдержанном неороманском стиле без какого-либо декора. Сам проход обрамлён двумя стройными, высокими колоннами, создающими контраст в сочетании с мощными стенами и кирпичной кладкой. Верхняя часть ворот завершена лёгким парапетом, поскольку изначально планировалось, что на ворота можно будет подняться и осмотреть окрестности. В начале XX века прямо под балконом были вывешены корейские национальные символы.

Думается, что неороманский стиль, который, в отличие от неоготики, не пользовался особой популярностью в Европе, был выбран не случайно. Середин вообще относился к той счастливой категории архитекторов, которые хорошо понимают своего заказчика и тонко чувствуют его истинные желания. Лаконичность и сдержанность выбранного им стиля как нельзя лучше отражают философские взгляды буддизма и конфуцианства, которые на протяжении столетий доминировали в Корее.

Ворота Тонниммун

Поэтому, хотя Середин использовал исключительно европейские приёмы при строительстве Тонниммун, можно сказать, что воздвигнутые ворота в полной мере воплотили в себе ту самую национальную корейскую идею, поиском которой были заняты интеллектуалы того времени. Европейский стиль Ворот независимости символизирует открытость миру и готовность к обновлению. Монолитность арки отражает стойкость и несломленный дух корейского народа, которому пришлось пройти через многие испытания. Подчёркнутая простота форм

свидетельствует о том, что, даже обновляясь, Корея остаётся верна своим старым традициям, согласно которым выдержанность и невозмутимость являются лучшими добродетелями.

Сейчас найдено достаточно свидетельств личного расположения короля Коджона к русскому архитектору. Наверняка государю импонировали такие бесспорные качества Середина, как честность, порядочность, готовность работать даже в сложных условиях. Видимо, именно в силу полного доверия к Середину со стороны короля, в конце 1890-х годов он получает уникальное для европейца задание: построить пять павильонов, да не где-нибудь, а на территории королевского дворца Кёнунгун (с 1907 г. носит название Токсугун). «Вторжение» русского архитектора во дворец с целью изменить его облик многие сановники восприняли не очень доброжелательно. Но так пожелал король.

Все пять павильонов, построенных Серединым с использованием как корейских, так и европейских элементов, носили необыкновенно поэтичные названия: «Павильон умиротворённого созерцания», «Дворец доброты и милости», «Павильон девяти достижений», «Беседка зелёного бамбука», «Дворец проникающего света». Перечислив их, так и хочется сесть в беседку из зелёного бамбука под лучи проникающего света, преисполниться доброты и милосердия и умиротворённо созерцать плоды своих девяти достижений. К сожалению, до наших дней полностью сохранился только Павильон умиротворённого созерцания.

Главной особенностью уцелевшего павильона с точки зрения сочетания традиционного корейского и западного стилей является наличие двойного ряда колонн. Первый ряд, опоясывающий павильон по периметру, представляет собой эталон традиционного корейского зодчества. Второй ряд, чуть утопленный в глубину павильона, выполнен в классическом античном стиле. При этом колонны из первого ряда соединены изящной позолоченной решёткой с символами долголетия и процветания. С первого взгляда может показаться, что павильон излишне причудлив и сочетает в себе несочетаемое, однако он до сих пор очень любим в народе. В выходные дни в нём всегда толпится много посетителей, желающих приобщиться к истории своей страны. Соблюдая многовековую традицию, перед тем, как войти в павильон, корейцы от мала до велика почтительно снимают обувь.

Второе название этого чудесного павильона – «Кофейный павильон», или «первое корейское кафе», поскольку предполагается, что традиция пить кофе пошла именно отсюда. Правда, это было кафе для одного-единственного посетителя – короля Коджона, который именно в этом павильоне наслаждался полюбившимся ему напитком. Павильон показан во всей своей красе в фильме «Русский кофе», о котором говорилось выше.

Почему же мы так долго говорим об этом, в целом, небольшом и скромном павильоне? Чем он так важен для современной Кореи? Ведь кофе пьют по всему земному шару, в этом смысле Корея не является исключением. А всё дело в том, что, как замечает кореевед А.Н. Ланьков, для местных жителей кофе – напиток № 1, который давно затмил по своей популярности чай. А это, согласитесь, совсем не характерно для азиатского региона. При этом традиция кофепития ассоциируется здесь исключительно с Россией – страной, где кофе, как нам хорошо известно, не производится вовсе.

Разные виды Кофейного павильона (он же – Павильон умиротворённого созерцания)

А началось всё, как мы помним, с госпожи Зонтаг, потчевавшей Коджона этим новым для него напитком во время его пребывания в русской дипмиссии. Вот что пишет в связи с этим А.Н. Ланьков:

«Имя этой женичины (заметим, совершенно забытое на её родине) известно, как не раз приходилось убеждаться, буквально любому корейцу, мало-мальски интересующемуся исто-

рией своей страны. С лёгкой руки госпожи Зонтаг и началось триумфальное шествие кофе, который сейчас стал, пожалуй, главным напитком Кореи»¹⁵.

Вид Кофейного павильона изнутри

Так что Кофейный павильон – вовсе не очередное историческое здание, а настоящий символ зарождения современных корейских традиций. И, безусловно, приятно осознавать, что берут они своё начало из России. Ну а закончить этот «кофейный» пассаж я хотела бы красивыми словами из упомянутого фильма, которые очень ярко показывают значимость кофе для современных корейцев:

«Кофейный павильон был построен в задней части дворца, и аромат кофе распространился по всей стране. Для одного человека кофе означает любовь, для другого кофе представляет собой империю».

* * *

Наконец, после строительства павильонов Середину поручили возведение самых масштабных дворцов на территории Кёнунгука – дворца малых приёмов Тондокчон и «Каменного дворца» Сокчоджон (при строительстве второго Середин принимал участие только на начальном этапе). И в отличие от предыдущих павильонов, в которых чётко прослеживается попытка соединить стили Востока и Запада, оба эти здания были выполнены полностью в европейском стиле, если не считать незначительных элементов декора.

Дворец малых приёмов простоял недолго и был снесён в 1920-х годах. Именно здесь в 1907 г. короновался последний правитель Кореи – император Сунджон, сын короля Коджона и королевы Мин. Его архитектура во многом неувлимо схожа с московской архитектурой начала XX века. Чувство дежа вю возникает даже при беглом взгляде на сохранившиеся фотографии Тондокчона. При более же детальном изучении здания сразу отыскиваются знакомые элементы дизайна: выложенные кирпичами ромбы, красивые архивольты и декорированные простенки, обрамляющие окна и отдалённо напоминающие наличник; замковые камни в верхней точке арки и использование при строительстве кирпича двух контрастных цветов.

¹⁵ «(Хаотические) заметки корееведа» А. Ланькова.

«Каменному дворцу» Сокчоджон повезло намного больше: он и сейчас стоит на своём месте, по соседству с традиционными постройками Кёнунгуна. Кажется, что его будто перенесли сюда из совсем другого мира и в нём нет ничего корейского. Здание полностью выполнено в классическом стиле со всеми его атрибутами: широкий портик, высокие ионические колонны, балкон по периметру здания и элегантные вазоны наверху. Однако если приглядеться, то в самом центре главного портика мы увидим «Мугунхва» – цветок с пятью лепестками, национальный символ Кореи, известный нам как гибискус. Как говорится, всё самое главное – всегда в деталях!

Долгими годами самозабвенной работы Середин заслужил в Корее настоящий авторитет как опытейший архитектор. К нему обращались не только за созданием новых проектов, но и за помощью в сложных ситуациях. К примеру, при строительстве Мёндонского собора, который ныне является главным для всех католиков Кореи, архитекторы столкнулись с рядом трудностей, которые тогда казались просто непреодолимыми. Даже в самом конце XIX века в стране всё ещё ощущалась нехватка квалифицированных рабочих, имеющих опыт возведения высоких зданий, вследствие чего стены возводимого собора несколько раз рушились. В конце концов было решено обратиться за помощью в Русскую миссию – к Середину. Благодаря его техническим консультациям и советам собор всё-таки был закончен в 1898 г.

Дворец малых приёмов Тондокчон

«Каменный дворец» Сокчоджон

* * *

Тем временем русское влияние в регионе стало постепенно сходить на нет. Это было связано с целым рядом обстоятельств, в первую очередь с тем, что в Петербурге решили уступить Корею Японии, дабы избежать столкновения между двумя державами.

В феврале 1897 г. король Коджон покидает русскую миссию и возвращается в свой дворец. Вскоре после этого он объявляет Корею империей, а себя – императором... по российскому образцу. Однако даже расположение императора Кореи к России уже не могло изменить принятого в Санкт-Петербурге решения дистанцироваться от проблем полуострова. В результате резкого изменения внешнеполитического курса поверенный в делах России Карл Иванович Вебер был отозван и вынужден вернуться в Петербург. Дипломат стал неудобен, поскольку был слишком самостоятелен и слишком горячо отстаивал необходимость энергичных мер против японских покушений на суверенитет Кореи.

На протяжении долгих лет Вебер оставался глубоко и деятельно вовлечён во внутренние дела Кореи. Именно он добился того, что русские офицеры прибыли в эту страну для обучения местных солдат. Он же способствовал максимальному сближению интересов двух держав. Естественно, что на протяжении всех тринадцати лет своей службы он был японцам как кость в горле.

По всей видимости, Токио уже давно добивался от Петербурга замены Вебера на кого-нибудь более спокойного и менее деятельного, и, наконец, достиг своей цели. Российские власти пришли к выводу, что их представитель чрезмерно усердствует и его инициативы идут вразрез с официальной позицией Министерства иностранных дел. Так быстро и несправедливо закатилась звезда человека, которого и друзья, и недруги признавали самым верным слугой российской монархии. Принятое за тысячи километров от Сеула решение стало настоящим ударом для Карла Ивановича. Как писал видевший его на пути в Россию чиновник, *«он очевидно никак не мог примириться с фактом отозвания его из Кореи и всё время о ней говорил»*¹⁶.

¹⁶ «Владыки старой Кореи», Т.М. Симбирцева, издательство: РГГУ, 2012 г., серия: Orientalia et Classica.

* * *

Хотя, как утверждают историки, изначально Николай II рассматривал усиление влияния в Восточной Азии как одну из главных задач своего правления, «уступка» Корейского полуострова была со стороны России не чем иным, как попыткой умиротворить агрессора. Иными словами, уступить в малом, дабы избежать войны и больших потерь (что, кстати, опровергает распространённую теорию о том, будто Николаем II война с Японией воспринималась как «маленькая победоносная война»).

А уже через три года, в 1900 г., Середин покидает Сеул. Новый начальник таможенного управления, английский подданный, сумел наконец-то наладить финансовую дисциплину в своём ведомстве и пригласил на службу своего соотечественника – дипломированного архитектора с прекрасными рекомендациями, чьё жалование, естественно, было значительно выше, чем у Середина. Странно: почему император Коджон, для которого Середин проделал столь значительную работу, так легко простился с ним? Увы, каких-либо достоверных сведений на этот счёт не сохранилось, но было бы очень интересно узнать ответ на этот вопрос. Возможно, русский архитектор и сам устал от обременительной должности и от того, что на протяжении долгих лет он был вынужден разрываться между Сеулом и Чемульпхо, в котором продолжала жить его семья.

Итак, в 1900 г. наш герой прибывает в растущий и расширяющийся по его собственному проекту Чемульпхо и, к счастью, быстро обнаруживает, что жизнь продолжается. Ведь хорошего архитектора заказчики везде найдут! У него появляется два крупных заказа: построить представительство солидной английской компании «Holme, Ringer and Company», а также русский Дипломатический клуб. Представительство, увы, до наших дней не сохранилось, а вот клуб существует и поныне. В нём часто проводятся дни дружбы Южной Кореи и России.

Но самый яркий, хотя и финальный, аккорд в архитектурной карьере Середина был ещё впереди. В 1902 г. ему поручено строительство современного отеля, который будет поражать своей изысканностью самых взыскательных европейцев. Заказ на строительство пришёл от старой знакомой Середина – госпожи Антуанетты Зонтаг, чьё имя и было присвоено отелю.

«Белых пятен» в её биографии, пожалуй, не меньше, чем у самого Середина. С какой целью эта дама оказалась в Корее и почему осталась после отъезда Вебера? Какие именно функции были на неё возложены в русском представительстве? Вряд ли тому причиной шпионские страсти, и не стоит представлять г-жу Зонтаг в качестве Маты Хари из Сеула. У этой дамы не было таких намерений. Зато, по всей видимости, Антуанетта Зонтаг обладала предпринимательской жилкой и была не прочь использовать имеющиеся у неё связи себе на пользу.

Постепенно, благодаря поддержке Карла Вебера, она приобрела вес при корейском дворе и снискала расположение короля Коджона и королевы Мин. Её величеству было интересно общаться с Антуанеттой Зонтаг, сумевшей немного освоить корейский язык. Но если король и королева были очарованы этой необычной для корейского общества женщиной, которая вела себя весьма независимо и самостоятельно, то сам Середин придерживался о ней не самого благоприятного мнения. Афанасий Иванович был уверен, что именно её влияние на королевскую чету привело, пусть и косвенно, к убийству королевы Мин.

Вот что писал по этому поводу сам Середин: *«В то же время и русский Представитель, Его Превосходительство К.И. Вебер, по-видимому, тоже желал иметь своё влияние, с каковой целью определил на службу корейского правительства свою родственницу, г-жу Зонтаг <...> Благодаря своему исключительному положению, г-жа Зонтаг очень часто посещала Королеву и, как она сама рассказывала, часто просиживала с нею по 2-3 часа подряд. Всё это было бы очень хорошо в другое время и при других обстоятельствах, для Кореи более благоприятных, но*

в настоящее время несчастная Королева, видя такое к себе внимание от Представителя России, страны, заставившей Японию отказаться от дорогой всякому японцу мечты владения Ляодунским полуостровом, мало-помалу оставила свою обычную осторожность и начала действовать настолько самостоятельно, как если бы японцы уже совершенно очистили от своего присутствия Корею. Что крайняя, по моему скромному мнению, немного несвоевременная близость г-жи Зонтаг к Королеве довела раздражение японцев до последних пределов, в этом в Сеуле никто не сомневается»¹⁷.

* * *

Если верить Середину, подобное нелестное мнение о г-же Зонтаг гуляло по всей столице. Однако едва ли она действовала со злым умыслом и вряд ли её стоит всерьёз обвинять в том, что японцам для оправдания убийства было достаточно такой малости, как дружба королевы с какой-то иностранкой. В любом случае очевидно, что император Коджон, испытывавший глубокое чувство привязанности к своей жене, г-жу Зонтаг ни в чём не обвинял. Напротив, он предоставил ей концессию на земельный участок с разрешением возвести на нём отель европейского образца, в котором было бы не стыдно принимать сановных гостей-иностранцев.

В свою очередь и архитектор, получив интересный заказ, отодвинул личные антипатии в сторону и быстро приступил к работе.

На этот раз творение Середина по внешнему облику можно было отнести к так называемой колониальной архитектуре. Двухэтажное здание с приземистой треугольной крышей и высокими окнами, из которых виднелись шикарные гардины из тяжёлой, дорогой ткани, – таким предстал первый европейский отель перед сеульцами. При этом отель расположился на небольшом холме, что позволяло ему возвышаться над старыми корейскими постройками так же величественно, как русской дипмиссии. Кроме того, с балконов отеля открывался завораживающий вид на город и загнутые черепичные крыши, походившие на вздымавшиеся морские волны.

Тем не менее нам, привыкшим видеть многоэтажные пятизвёздочные гостиницы, давящие своей роскошью при одном только взгляде на них, отель «Зонтаг» может показаться, мягко говоря, скромным. Всего два этажа, не слишком широкий фасад, никаких подпирающих своды кариатид или мраморных вазонов. Можно подумать, что «Зонтаг» – частный домик зажиточного человека. Но первый взгляд часто обманчив.

Судя по сохранившимся фотографиям, пусть и не очень чётким, настоящий шик таился внутри отеля. Это было великолепное и для многих желанное сочетание пышного богатства уходящего века и прогресса века грядущего. Судите сами: каждый из 25-ти номеров был оснащён своей собственной ванной комнатой с горячей и холодной водой и ватерклозетом; в отель был проведён свой собственный телеграф и даже телефон (нам даже известен его приятно короткий номер: 739). И все эти достижения науки и техники сочетались с дорогими тканями, хрустальными люстрами и канделябрами, освещавшими залы ярким электрическим светом, высокими зеркалами и изысканной мебелью.

В «Зонтаге» с вами были готовы говорить на корейском, французском, итальянском, испанском и английском языках. Здесь же вам с радостью предложили бы переводчика, гида и даже лошадей для более комфортного передвижения. Недалеко от гостиницы находились бар и бильярдная, где постояльцы могли беззаботно коротать своё время. Как видим, «Зонтаг» полностью оправдывал своё название, создавая атмосферу неспешного отдыха в окружении роскоши¹⁸. Кроме того, из Франции был приглашён опытный шеф-повар, сделавший кухню

¹⁷ Статья «Убийство во дворце Кёнбоккун» Т.М. Симбирцевой.

¹⁸ В переводе с немецкого языка слово «Sontag» означает «Воскресенье», которое по христианской традиции считается

отеля его визитной карточкой. В некоторых источниках даже можно встретить мнение, будто королева Мин заказывала себе блюда французской кухни исключительно в «Зонтаге». Но мы-то с вами понимаем, что это, к сожалению, не соответствует действительности.

Отель «Зонтаг»

Иногда в литературе можно встретить утверждение, будто «Зонтаг» считается первым отелем европейского образца в Корее, однако это не так. Подобные гостиницы строились здесь и раньше. Однако «Зонтаг», по утверждению корееведа Ланькова, стал первым солидным, хорошо поставленным заведением, которое быстро превратилось в одно из самых известных мест в Сеуле. И, само собой разумеется, на первом этаже гостиницы располагалось кафе – первое общественное кафе во всей Корее.

Отель просуществовал недолго, всего два десятилетия, и был разрушен в начале 1920-х годов. Однако за свою короткую жизнь он видел и, думаю, сумел поразить своим блеском сливки общества буквально со всех континентов. Здесь останавливались Уинстон Черчилль и Джек Лондон, королевские особы и политики, дипломаты и журналисты. «Зонтаг» стал для Кореи тем, чем является для нас «Астория», для американцев – «Ritz», а для арабов – «Burj al Arab»: красивой сказкой о тех временах, когда всё только начиналось, и открывающаяся миру Корея была полна тревоги за ускользающее прошлое и надежд на завтрашний день. В сегодняшней Корее этому отелю и его интересной истории даже посвящён мюзикл под названием «Отель Зонтаг».

«Зонтаг» стал последней работой Середина-Сабатина в Корее. В 1904 г., в преддверье войны между Россией и Японией, он вместе со своей семьёй был вынужден покинуть страну, в которой прошли его самые плодотворные годы. Конечно, сложно утверждать что-либо наверняка, но всё-таки считаю, что отъезд из Кореи дался Середину так же тяжело, как в своё время Карлу Ивановичу Веберу.

Позади остались воспоминания, и хорошие, и плохие, но, безусловно, яркие. Уверенный в своих силах и в своей удаче самоучка смог стать придворным архитектором и заработать авторитет в стране, где к европейцам ещё только начинали присматриваться. Ему посчастливилось стоять у истоков формирования нового облика Кореи, у истоков её открытия – а

так крупно везёт только единицам. Теперь же вместе с Серединым, г-жой Зонтаг, которой в конце концов пришлось продать свой отель, и десятками других русских уходил тот уникальный период, когда наши страны были как никогда близки и искали друг в друге союзников. Кропотливые старания мирных людей, кирпичик за кирпичиком возводивших мосты между двумя культурами, были в одночасье перечёркнуты войной, для которой не нужны ни дипломаты, ни строители.

* * *

На страницах этой книги автор постарался в первую очередь рассказать о Середине-архитекторе, другие грани этой уникальной личности пришлось оставить за кадром. Оно и понятно: жизнь такого человека заслуживает подробного изучения и отдельной биографии. И всё-таки в самом конце главы хочется добавить, что Афанасий Иванович сумел состояться не просто как талантливый архитектор. Он владел несколькими языками, обожал долгие пешие прогулки, умел прекрасно плавать и, как вспоминают его потомки, даже спас нескольких утопающих. В те периоды, когда он по той или иной причине не мог работать архитектором, Середин устраивался в местные газеты (в том числе и в английские) в качестве журналиста. Он не боялся никакой работы и за любое дело брался с присущим ему энтузиазмом.

Вместе с тем, судя по сохранившимся воспоминаниям знавших его людей, Середин был достаточно ранимой личностью и обладал неуравновешенным характером. Приблизительно в 1908 г. он впал в депрессию и, оставив свою семью, уехал на юг России, предположительно, в Ростов-на-Дону. И если год его смерти известен достаточно достоверно, то место захоронения не найдено до сих пор. Судя по всему, он умер в бедности, одиночестве и неизвестности среди людей, которым и в голову не могло прийти, что живущий с ними по соседству пожилой мужчина возводил дворцы для короля Кореи. Как писал в дальнейшем сын Середина Пётр Афанасьевич, его отец «ничего в жизни, в конце концов, не достиг».

Так ли это или нет – многие теперь могут проверить самостоятельно. С 1 января 2014 г. наши страны вновь стали на шаг ближе друг к другу благодаря отмене визового режима с Южной Кореей. Попасть туда стало несколько проще, особенно жителям Дальневосточного региона. Уверена: тем, кому посчастливится побывать в Корее, будет приятно увидеть собственными глазами всё то, чего сумел добиться Середин. Это не деньги, и не минутная слава, а настоящая народная память и уважение. Его постройки входят в число основных достопримечательностей Сеула и Инчхона, которые вам обязательно покажут местные гиды. Да и сами корейцы очень любят приводить своих детей к монолитным воротам Тонниммун или к воздушному Павильону умиротворённого созерцания. Давайте и мы присоединимся к ним и полюбуемся вместе шедеврами русского архитектора на корейской земле.

Что ещё можно почитать о Середине-Сабатине?

Афанасий Иванович – один из немногих героев нашей книги, о котором можно прочитать серьёзные исследования на русском языке. Первопроходец в деле изучения его биографии – это замечательный исследователь, историк-востоковед Татьяна Михайловна Симбирцева, опубликовавшая несколько подробных статей, посвящённых Середину. Если вас заинтересовала судьба этого необычного архитектора и возникло желание узнать о нём поподробнее – смело берите статьи Симбирцевой (к примеру, «Убийство во дворце Кёнбоккун» или «Архитектор его величества Кореи»). Их без труда можно найти в интернете.

Но, согласитесь, взгляд на жизнь Середина не будет полным без представления о самой Корее конца XIX века. Если вас заинтересовала та эпоха, то с большим удовольствием могу порекомендовать статьи и книги знаменитого корееведа Андрея Ланькова (например, «(Хаотические) заметки корееведа»). Даже если вы раньше никогда не увлекались историей Кореи, то наверняка оцените глубокие знания и искреннюю любовь автора к предмету своего исследования.

Источники и литература:

«Китай 1904-1905: Русско-японское идейно-пропагандистское противостояние», Д. Павлов, Acta slavica Iaponica, Tomus 22, pp. 53-72.

Статья Т.М. Симбирцевой, С.С. Лешошко «Архитектор Его Величества короля Кореи Середин-Сабатин (1860-1921)», Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 12.

Сайт <http://koryo-saram.ru/>

«Владыки старой Кореи», Т.М. Симбирцева, Издательство: РГГУ, 2012 г., серия: Orientalia et Classica.

Статья Т.М. Симбирцевой «Убийство во дворце Кёнбоккун».

Статья Т.М. Симбирцевой «„Загадочный“ барон П.Г. фон Мёллендорф и его „прорусская“ деятельность в Кореи».

Статья «Сеульский строитель», Т.М. Симбирцева, журнал «Восточная коллекция» за осень 2009 г.

«(Хаотические) заметки корееведа», А. Ланьков.

Аудио-рассказ А. Ланькова «Роль россиян в истории Кореи в самой Кореи принято недооценивать» для радиостанции ВестиFM.

Статья М. Рощина «Бегство короля Коджона в русскую миссию 11 февраля 1896 года».

Сайт «Единая Корея» www.onekorea.ru

Сайт Российской ассоциации университетского корееведения <http://www.rauk.ru/>

Сайт <http://www.kulturkorea.org/>

Статья «Западные постройки во дворце» («Western structures in the palace») (<http://koreaajoongangdaily.joins.com>).

Глава 2. Твид, крест и держава. Леди Кэтрин Мюррей, графиня Данмор (Великобритания)

Какой образ приходит вам на ум при упоминании «настоящего английского джентльмена»? Скорее всего, он будет под стать английской погоде: немногословен и сдержан. Бледное аристократическое лицо (невежды скажут: землистого цвета!), вежливые манеры, сухой английский юмор и настоящий талант держать себя с достоинством в любой ситуации. Никаких громких разговоров, бурной жестикуляции – и Боже упаси позволить себе выйти за раз и навсегда очерченные рамки! Правда, они были установлены знатными предками давным-давно, но кто возьмёт на себя смелость отменять старые обычаи на Туманном Альбионе?

Одевается этот гордый потомок суровых бриттов с подлинно королевским вкусом, который, правда, сдержан и умерен ещё больше, чем он сам. Так что едва ли мы встретим его на улице без накрахмаленного воротничка, идеально выглаженных брюк, туфель с блестящими носами и пиджака. Пиджака, сделанного из твида.

Думаю, для поклонников английской культуры твид не нуждается в отдельном представлении. Ну а для тех, кто не причисляет себя к англоманам, словари приготовили следующее определение.

Твид – шерстяная меланжевая ткань, напоминающая дотканую; вырабатывается из толстой аппаратной некручёной пряжи, содержащей мёртвый волос. Т. отличается повышенной декоративностью за счёт включения при его производстве разноцветной пряжи или некса, комбинирования различных переплетений. Вырабатывается с различной поверхностной плотностью. Используется для изготовления пальто и костюмов делового и спортивного типа. Из лёгких Т. шьют даже платья¹⁹.

Проще говоря, твид – ткань из шерсти, широко используемая в «английских» костюмах. Как правило, ткань окрашивают в натуральные цвета: коричневый, серый, цвета опавших листьев, бежевый. Твидовая ткань часто украшена такими традиционными узорами, как клетка, диагональ, утиная лапка...

Скучно? Совсем нет! Для Англии – респектабельно и практично! В одежде из твида можно смело, не боясь уронить собственного достоинства, явиться на приём к королеве. Тот же твид будет более чем уместен в любом офисе. И он же согреет вас на охоте под морозящим дождём. В общем, что ни говорите, но без твида образ истинно английского джентльмена был бы не полным.

Производителей этого, без сомнения, благородного материала в Соединённом Королевстве и соседней Ирландии насчитывается немало. Magee of Donegal, Abraham Moon and Sons, Linton Tweeds, Bernat Klein, Dashing Tweeds, Crombie... За каждым из этих лейблов скрывается история непростого пути к сердцам придирчивых покупателей, полная взлётов и падений, а подчас и выживания на фоне временного угасания интереса к неброскому твиду. У каждой фабрики – свои, десятилетиями наработанные секреты производства и бережно сохраняемые традиции, сделавшие из твида нечто большее, чем просто кусок шерстяной ткани.

Твид – это определённый стиль жизни, мировоззрение, социальный статус, привычки. Это претензия на эксклюзивность, респектабельность и одновременно – символ стабильности и уверенности в себе. Не зря расцвет твида приходится на Вик

Твидовые шляпы

И, думаю, многие почитатели той эпохи согласятся со мной, что ни один серьёзный рассказ о твиде не может обойтись без упоминания о всемирно известной марке твида Харрис

¹⁹ Терминологический словарь одежды. Орленко Л.В., 1996.

(Harris Tweed). Но если сам лейбл известен многим, то мало кто знает, что поставила производство Harris Tweed на широкую ногу и добилась его популярности замечательная женщина леди Кэтрин Мюррей, графиня Данмор. И, как вы понимаете, без русского следа здесь, конечно же, не обошлось.

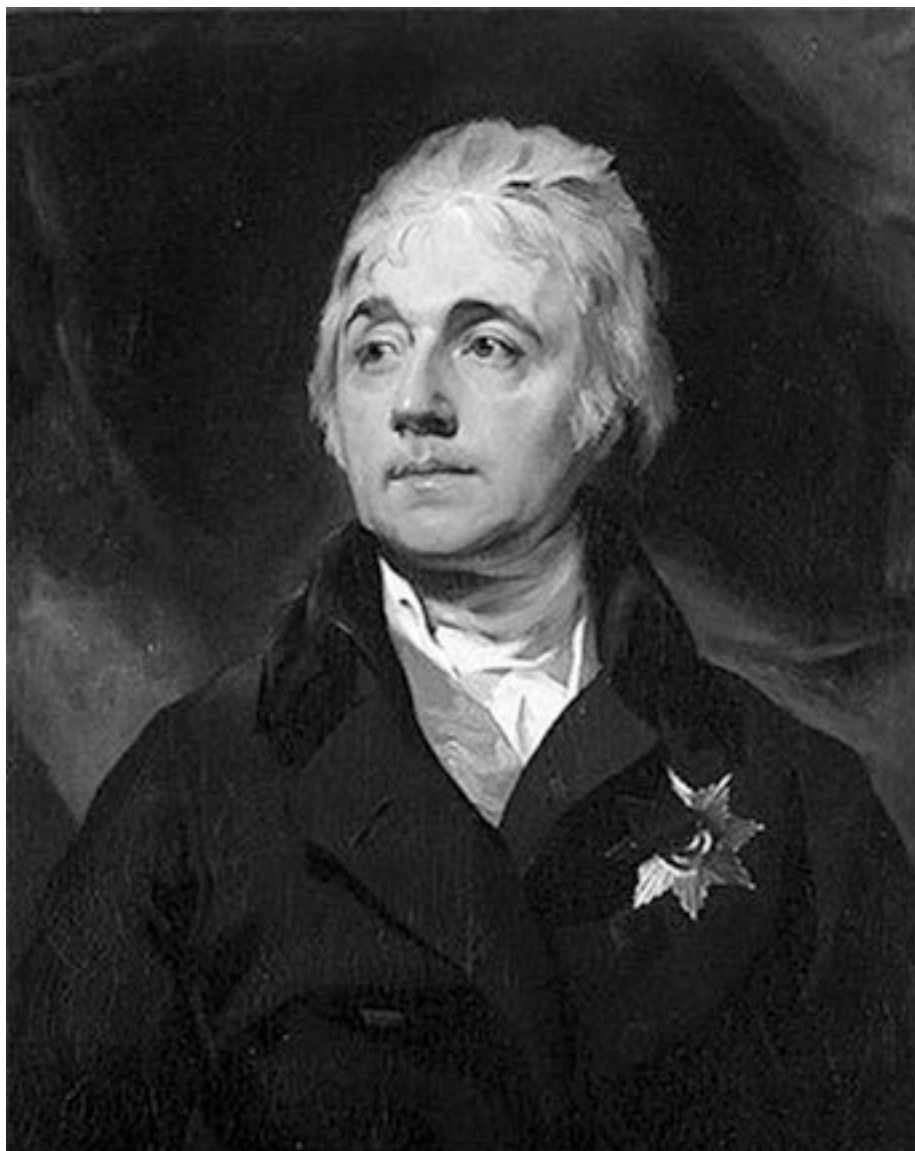
* * *

Те, кто смотрел «Разум и чувства» с Кейт Уинслет и «Гордость и предубеждение» с Кирой Найтли, наверняка оценили неповторимые интерьеры и фасад Уилтон-хауса, в котором проходили съёмки очередных экранизаций Джейн Остин. Двести лет тому назад эти просторные залы, уютные комнаты с изысканными обоями и ухоженный сад служили домом для леди Екатерины Герберт, урождённой графини Воронцовой.

И здесь необходимо сделать небольшое отступление в нашем рассказе: ведь фамилия Воронцовых – это не просто обычная русская аристократическая семья. Многие представители этого обширного клана символизируют двор блистательной эпохи Екатерины II. А поскольку государя (а стало быть, и государыню) играет свита, то можно сказать, что Воронцовы много потрудились над созданием образа просвещённой императрицы. Например, родной тёткой леди Герберт была её тёзка Екатерина Дашкова (тоже урождённая Воронцова), ставшая первой в мире женщиной-президентом Академии наук. Дядя леди Герберт был канцлером Российской империи, а родной отец, Семён Романович Воронцов, – блистательным дипломатом, посвятившим долгие годы укреплению связей между Россией и Англией. Причём надо сказать, что Семён Воронцов действительно преуспел в своём деле: его вклад в развитие двусторонних отношений был оценён как на родине, так и в Англии, где одна из лондонских улиц носит его имя – Woron-zow Road.

Из-за службы своего отца Екатерина Семёновна почти всю жизнь провела на Туманном Альбионе и смогла вписаться в здешнее светское общество не хуже любой благородной леди. В далёкой России Екатерина побывала лишь один раз, летом 1802 г., чтобы быть представленной ко двору в качестве фрейлины. Беспокоясь о хрупком здоровье своей любимой дочери, Семён Романович был против того, чтобы Катенька оставалась в стране с суровым климатом, и, стоило начаться первым сентябрьским дождям, заспешил с нею обратно в Лондон.

Казалось, с исторической родиной молодую Екатерину Семёновну связывали разве что воспоминания отца и голос крови. Всё её окружение, воспитание, привитые ей с раннего детства манеры, а также язык, на котором приходилось говорить (и, возможно, даже думать), были чисто английскими. Но это только на первый взгляд.

Семён Романович Воронцов

Екатерина Семёновна Воронцова, графиня Пемброк

Семёну Романовичу, который и сам большую часть своей жизни пробыл вдали от родины и который, к слову, стал одним из первых русских англоманов, удалось привить своим детям любовь и уважение к русской культуре. На званных вечерах в лондонском доме Воронцова неизменно велись разговоры о России, звучала русская музыка, а обладавшая прекрасным голосом Катенька под аплодисменты великосветской публики исполняла русские песни.

В 25 лет Екатерина Семёновна приняла предложение лорда Джорджа Герберта, 11-го графа Пемброк, после чего стала полноправной хозяйкой великолепного поместья, в которое она тоже смогла привнести частичку России. Каждую зиму, как только на землю ложился снег, из Уилтон-хауса резво вылетали самые настоящие русские сани ещё екатерининских времён. В санях сидела розовощёкая, статная графиня в окружении своих детей: одного сына и пяти дочерей. Уилтон-хаус благодаря этой смекалистой и рачительной леди с блеском принял в 1817 г. великого князя Николая Павловича, через восемь лет ставшего императором Николаем I. Желая произвести благоприятное впечатление на высокого гостя, Екатерина Семёновна заранее выписала для своих детей русские народные костюмы.

Младшей на тот момент дочери графа Пемброка, названной в честь матери Кэтрин, было всего три года. Вряд ли она сохранила ясные воспоминания о визите будущего императора в

их поместье. Скорее всего, наряженная в яркий сарафан и кокошник малышка жалась к своим нянькам, с недоверием косясь на красивого незнакомца с солдатской выправкой. Как бы там ни было, именно эта маленькая девочка с густыми тёмными волосами и умным взглядом, разъезжавшая в санях и слушающая русские песни в исполнении своей матери, встанет у истоков славы настоящего английского достояния – твида Харрис.

Итак, мы наконец-то добрались до главной героини нашего рассказа, леди Кэтрин Герберт-младшей. О её молодости сохранилось мало сведений, однако можно предположить, что эти годы прошли безмятежно, в атмосфере любящей семьи.

Екатерина Семёновна и Джордж Герберт, несмотря на значительную разницу в возрасте, были искренне привязаны друг к другу, имели общие интересы и взгляды. Оба предпочитали размеренную сельскую жизнь суеде задымлённого Лондона, однако, в силу их высокого социального статуса, гостеприимный Уилтон-хаус никогда не пустовал и часто принимал в своих стенах сливки общества. Благодаря общительности и известности родителей, Кэтрин не пришлось долго подыскивать себе достойную партию, когда пришло её время. В 1836 г. мужем леди Кэтрин стал аристократ Александр Мюррей.

Благодаря бережному отношению англичан к своей истории, удалось найти сканы газет середины XIX века, через призму которых можно проследить отдельные события из жизни нашей героини. Сейчас это покажется странным, но в те времена было принято официально сообщать через газеты о таких событиях из жизни знати, как рождение, свадьба и похороны. Отсюда даже появилось распространённое в викторианскую эпоху мнение, что имя приличной женщины должно упоминаться в газетах лишь в связи с перечисленными событиями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в одной из сохранившихся газет от 1836 г. мы можем прочитать достаточно подробное описание свадебного торжества, данного в честь бракосочетания Кэтрин Герберт и Александра Мюррея:

«Свадьба в высшем обществе. В честь состоявшейся во Франкфурте на Майне свадьбы виконта Финкасла, старшего сына графа Данмор, с леди Катериной Герберт, находящейся в расцвете своей красоты сестры графа Пембрук, великолепное торжество было дано в замке Данмор – родовом поместье отца жениха, а также в прочих его имениях в Хайлендс²⁰. <...> В прошлую пятницу в Парке Данмор с самого утра собрались жители деревни и арендаторы. Зажжённое пламя праздничного костра ознаменовало начало торжества. Семейный флаг с вышитыми на нём гербами древних шотландских семей Атолл, Гамильтон и Дуглас, к которым теперь добавился и герб старинного английского рода Герберт, развевался на вершине замковой башни. За здоровье молодых гости пили виски, который здесь романтично называют „горной росой», а весёлый вольничек развлекал своей игрой всех желающих танцевать шотландские танцы. <...> Около 4-х часов арендаторы, общей сложностью 150 человек, приступили к торжественному обеду под большим шатром <...>. На ужин в замок были приглашены только избранные лица из местного дворянства. Вечер завершился фейерверком, балом и праздничной иллюминацией...»

Союз оказался по-настоящему счастливым: за свадьбой ожидаемо последовали дети – трое девочек и один мальчик – почти так же, как было у родителей самой Кэтрин.

²⁰ Северо-Шотландское нагорье, или Шотландское высокогорье, также Хайленд (англ. Highlands of Scotland, гэльск. Gàidhealtachd) – горная северо-западная часть Шотландии, занимающая большую часть её территории.

Типичный пейзаж острова Льюис и Харрис

* * *

После смерти свёкра супруги наследуют новый титул – граф и графиня Данмор, а вместе с ним и большие земельные наделы в 150 000 акров, среди которых был остров Харрис (Harris). Этот остров относится к цепочке Внешних Гебридских островов, расположенных к северо-западу от Шотландии²¹. Строго говоря, Харрис – это название только южной части острова, тогда как северная именуется Льюис. При том, что остров на самом деле один, его до сих пор иногда называют «острова Льюис и Харрис», а о каждой части неизменно говорят как об отдельном острове. «Почему?» – спросите вы. Ответ будет закономерен: «Традиции, сэр!»

Если вы зададитесь целью найти фотографии Харриса в интернете или в какой-нибудь энциклопедии, то наверняка отыщите поистине райские картины. Длинные, пологие пляжи белого песка, кристально-чистая голубая вода, периодически приобретающая невообразимый зелёный оттенок, словно кто-то растворил в ней огромный изумруд. Мягкая трава и качающийся на ветру вереск соседствуют с мелким песком, который постоянно шлифуется мелкими барашками набегающих волн. Ну как не помечтать о пляжном отдыхе? Вот только искупаться вам вряд ли удастся – температура воздуха на Гебридских островах редко поднимается выше 15 градусов по Цельсию.

Внутренние территории острова создают резкий контраст с побережьем. Везде серые каменистые земли, чередующиеся с дикими пастбищами, пасмурное небо и пасущиеся овцы, давно ставшие частью местного пейзажа. Здесь вместе с пронизывающим до костей ветром начинаешь ощущать всю суровость северных земель. Тут не рады праздным пустословам, всех пришлых этот край проверяет на прочность и выносливость. И только выдержавшие это испытание смогут оценить скупую красоту Гебридских островов.

²¹ Внешние Гебридские или Западные острова (англ. Outer Hebrides, гэльск. Na h-Eileanan Siar) – северо-западная часть архипелага Гебридских островов.

Полагаю, энергичная и трудолюбивая Кэтрин быстро сроднилась с этими суровыми краями. Местные холмы, берега и камни должны помнить статную красавицу, которая прогуливалась по пляжу сначала под руку со своим супругом, а затем в окружении детей. Наверняка эти дни, наполненные семейными радостями, запомнились Кэтрин навсегда, ведь северные земли учат ценить тепло и нежность вдвойне.

Однако годы счастливого замужества мы оставим за скобками, ведь история деловой графини Данмор, прославившей твид Харрис, началась вовсе не в день её свадьбы и даже не в один из дней размеренной семейной жизни. Эта история начинается 15 июля 1845 г., в день смерти её мужа.

Думаю, правда, сама леди Кэтрин сильно бы обиделась, если бы услышала, что нас интересуют не годы её молодости и расцвета, а годы вдовства. Впрочем, даже по тем временам она стала вдовой слишком рано – на тот момент Кэтрин исполнился только 31 год. Молодой женщине, которая до этого в течение четырёх лет исполняла обязанности фрейлины при королеве Виктории, пришлось вернуться из столицы в родовое поместье своего мужа и с головой окунуться в науку управления обширным хозяйством. И, судя по дальнейшему развитию событий, она принялась за дело со всей ответственностью и энтузиазмом.

«Ананас Данмор» – самый причудливый зимний сад в Англии, принадлежавший графам Данмор

В отличие от многих своих современниц, графиня Данмор не оставила свои владения на волю управляющего, а решила самостоятельно вникнуть во все тонкости, связанные с унаследованным ею имуществом, и всё держать под строгим контролем. Между тем вникать пришлось быстро, ибо время не было к ней благосклонно. Удар по состоянию графини Данмор был нанесён стремительно и, как водится, с той стороны, откуда его совсем не ждали.

* * *

В 1845 г. на Ирландию и Шотландию обрушился неурожай картофеля. Событие в общем-то рядовое, хотя и неприятное, и никто тогда не придал ему большого значения. Периодически неурожаи случались почти повсеместно, поэтому даже бедняки, в рационе которых картофель составлял весьма значительную часть, поначалу решили, что следует просто потуже затянуть пояса в предстоящую зиму. Зато уж следующий год наверняка принесёт богатый урожай, ведь не приходит одна и та же беда дважды!

Однако поразивший картофель фитофтороз решил по-другому. Тёмно-коричневая гниль, передававшаяся от клубня к клубню с токами воды, распространялась с пугающей скоростью. Каждая протекавшая мимо картофельных полей речка, каждый падавший с неба дождь становились губительными для всего северного региона Британских островов. Из раза в раз крестьяне с отчаянием вырывали из земли сморщенные, прогнившие картофелины, которые были абсолютно непригодны для еды. Те немногие клубни, которые удалось сохранить для посадки следующего урожая, уже несли в себе споры фитофтороза, поэтому в 1846 г. бедствие неминуемо повторилось. В общей сложности неурожаи продолжались в течение пяти долгих лет, в результате чего в одной только Ирландии от голода погибло около 1,5 миллиона человек!

Больше всех пострадали бедняки-крестьяне, кормившие себя исключительно возделыванием арендованной земли. Пытаясь спастись от голодной смерти, они толпами потянулись в города, а наиболее отчаянные из них решили искать счастья по ту сторону Атлантического океана, в Америке. Нашлись и те, кто не постеснялся заработать «лёгкие деньги» на чужом горе и извлечь максимум выгоды из внезапно возникшего огромного спроса на корабли, курсировавшие между Ирландией и Штатами. На воду были спущены обветшалые, давно отслужившие своё суда, прозванные в народе «плавучими гробами». Многие из тех, кто на последние деньги покупал «спасительный» билет на подобное судно, так и не достигли заветной цели. Ослабленные голодом и болезнями люди не могли осилить длительный путь в душных каютах и умирали прямо на корабле.

У оставшихся на родине конец был не легче. Толпы измождённых, обезумевших от голода людей бессмысленно передвигались по улицам, пока не оседали, прислонившись к стене. На них уже никто не обращал внимания. От крайнего изнеможения у многих не хватало ни физических, ни эмоциональных сил, чтобы сопереживать даже родным.

«Неужели поля арендаторов были засеяны исключительно картофелем?» – спросите вы. Конечно же, на полях Англии произрастали и другие овощи и злаки. Но тысячи бедных крестьян вели своего рода «монохозяйство», поскольку картофель на меньших площадях давал значительно больший урожай, нежели другие культуры. Таким образом, первый неурожай изрядно подкосил их хозяйства, а последующие – окончательно добили.

Если быть предельно честным, то в массовой гибели крестьян была виновата не только злосчастная эпидемия картофеля. Видя, что беднякам стало не под силу оплачивать аренду, лендлорды²², не сильно вдаваясь в причины происходящего, начали попросту отдавать свои земли более крупным нанимателям. Эта мера привела к насильственному выселению бедняков, которым было не по карману платить арендную плату по прежней ставке. Лишившись даже крыши над головой, эти люди становились ещё более уязвимыми перед болезнями и непогодой.

«А что же правительство?» – спросите вы. К сожалению, почти все попытки поддержать обнищавшее население потерпели полный крах. Что именно явилось причиной такого провала и был ли в этом чей-то злой умысел – эта тема остаётся предметом непримиримых дискуссий и

²² Лендлорд (англ. landlord, буквально – земельный лорд) в Великобритании – крупный землевладелец, получатель земельной ренты.

по сей день. Происходившие в то время политические процессы заслуживают отдельных скрупулёзных исследований, которые выходят за рамки нашего рассказа. Однако все факты сводятся к тому, что простое население осталось один на один со своим горем. Многим приходилось уповать лишь на милость своих землевладельцев и на Бога.

В Шотландии население стояло на грани гуманитарной катастрофы и боролось за выживание, а последствия заболевания картофеля были ощутимы вплоть до 1857 г. В период с 1846 по 1852 г. Шотландию покинуло свыше 1,7 миллиона человек. Некоторые лендлорды не просто выселяли своих мелких арендаторов, но и насильно вывозили их из страны в колонии, чтобы в прямом смысле слова «скинуть» груз ответственности.

Горькая ирония судьбы заключалась ещё и в том, что многие спасающиеся от голода ирландцы в надежде, что в Шотландии хоть немного, но лучше, ринулись туда в поисках спасения. Видимо, такая миграция возникла ещё и потому, что многих пу гала перспектива долгого и мучительного переезда в Америку. Вместе с тем оставаться на родине для этих людей уже не было никакой возможности. Как следствие, в течение всего 1848 г. порт Глазго еженедельно принимал в среднем 1000 беженцев. Несложно догадаться, что такой поток вновь прибывших измождённых людей только усугублял положение дел в самой Шотландии, которой тоже пришлось несладко.

Правда, в Шотландии правительство организовало более стабильную программу поддержки населения, но и её хватало с трудом. На каждого мужчину выдавалось по 24 унции (680 гр.) овсянки в день. Женщинам была положена лишь половина этого рациона – 12 унций (340 гр.), а детям – всего лишь несколько ложечек овсянки в 8 унций (230 гр.). При этом полученное продовольствие приходилось отрабатывать на бесплатных работах 6 дней в неделю по 8 часов. И, как будто этого было мало, между голодающими и полагающимся им рационом моментально выросла стена из бюрократов, дотошно проверяющих количество отработанных часов и наличие прав на получение миски овсянки. Неудивительно, что многие предпочитали бежать на край света от такой всеобъемлющей заботы государства. Этот тяжёлый для региона период известен теперь под названием Шотландский картофельный голод (Highland Potato Famine) или Великий голод (Great Famine), если речь идёт о бедствиях Ирландии и Шотландии в целом.

Картофельный голод, иллюстрация современника тех событий

Как видим, владениям леди Мюррей грозило запустение и последующее разорение, если бы у арендаторов быстро не нашёлся иной, кроме возделывания земли, источник дохода. Именно в этот сложный момент Кэтрин Мюррей обращает внимание на шерстяную ткань под названием *твид*.

Разумеется, твид вовсе не был изобретением леди Мюррей, ведь он производился на Гебридских островах задолго до появления там самой Кэтрин. Однако всё сводилось к кустарному изготовлению для бытовых нужд – чтобы обеспечить тёплой тканью прежде всего членов собственной семьи. Иными словами, ткачихи обшивали своих родных, в лучшем случае – продавали свои изделия соседям или обменивали их на разные необходимые в быту вещи. Изредка глава семейства доезжал до ближайшего городка, чтобы продать несколько ярдов изготовленной женой ткани. Таким образом, твид с острова Харрис был знаком лишь местным жителям, и ни о каком широком производстве речи не шло.

Вместе с тем в середине XIX века уже повсюду работают различного рода фабрики с десятками ткацких станков и рабочими, чьи действия отработаны до автоматизма. Рано или поздно новые подходы к производству могли свести на нет кустарное изготовление островного твида. Случись так, история твида Харрис закончилась бы, даже толком не начавшись.

Существуют разные версии того, как именно леди Мюррей разглядела потенциал этой ткани и почему решила сделать ставку именно на неё. По одной из них, лучшие отрезы твида были доставлены в поместье Кэтрин местным фермером, Норманом Маклаудом, который при этом обмолвился, что лучший твид на острове делают две его дочери, красавицы Кристин и Мэри-Энн. Ткань полюбилась молодой графине не только своим внешним видом, но и неоспоримыми достоинствами для сельской жизни: твид очень прочен, долго носится, не промокает под дождём и с него легко удаляются пятна от земли и травы. Почему бы такой практичной и тёплой вещи не пользоваться спросом в прохладных шотландских краях?

Однако, не желая делать поспешных выводов, графиня Данмор для начала заказала у сестёр одежду для своих егерей, чтобы на деле проверить местный твид. Результат превзошёл все ожидания: костюмы не только оказались удобными, но и привлекли внимание состоятель-

ных соседей, которые захотели одеть своих работников ничуть не хуже – и обратились к графине с первыми заказами. Тем временем практичная Кэтрин старалась смотреть вперёд и, размышляя о возможностях твидового производства, быстро уяснила для себя три вещи.

Во-первых, обойтись силами всего двух сестёр-ткачих, пусть даже и очень талантливых, при крупных заказах невозможно. Следовательно, потребуется гораздо большее количество работников.

Во-вторых, само производство вполне может быть организовано как надомное. В сущности, маленькая деревенька, где каждая из жительниц знает весь цикл обработки ткани, мало чем отличается от фабрики. Таким образом, нет нужды в строительстве здания, под крышей которого пришлось бы собирать работников. Куда приятней и спокойней выполнять работу в стенах родного дома или у соседей, не забывая при этом о собственном хозяйстве и детях. Укоренившись в этой мысли, леди Мюррей, сама того не зная, встала у истоков надомного производства в Шотландии, которое приобретёт широкий размах к концу XIX века.

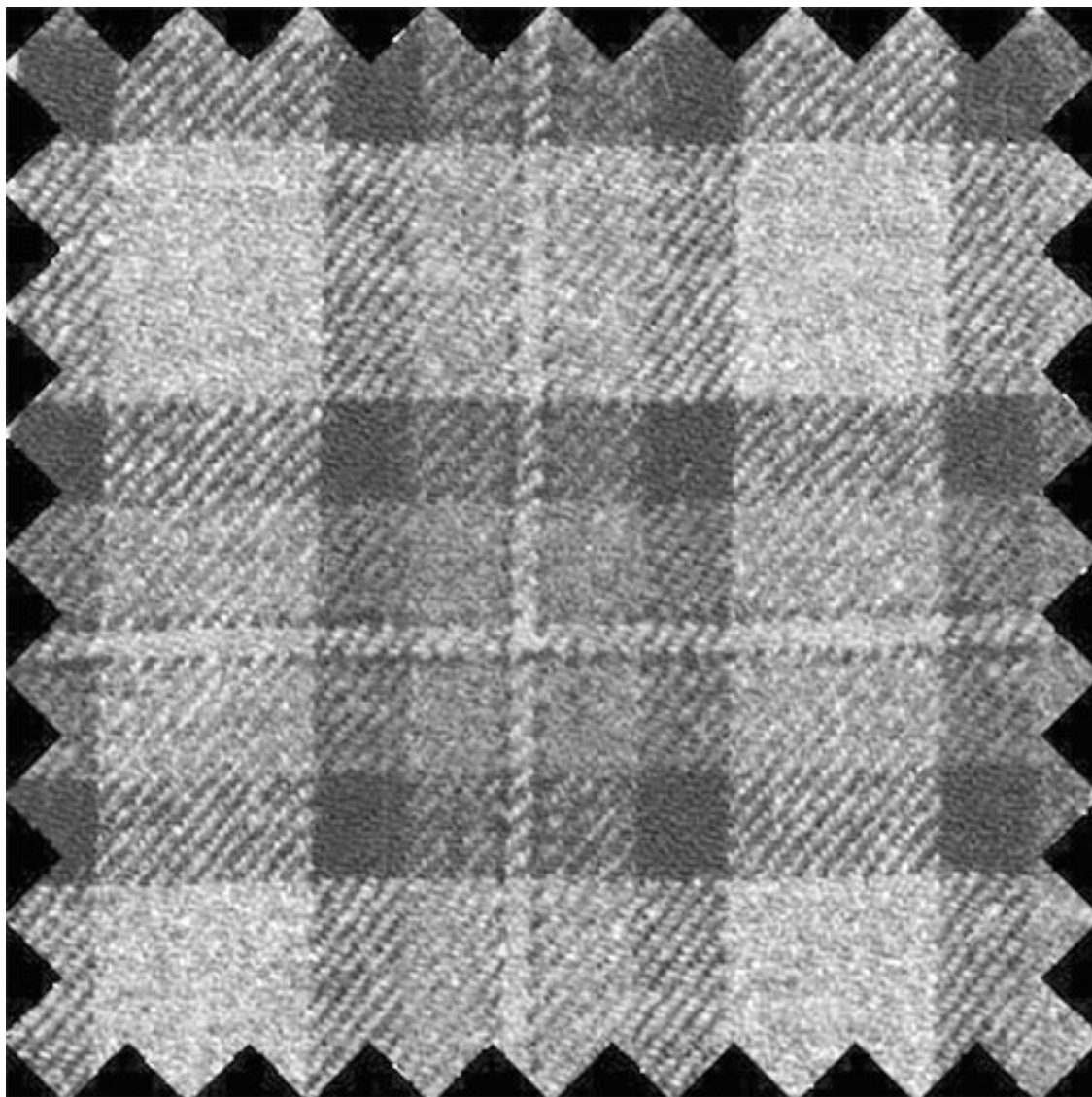
И наконец, в-третьих, потенциал твида следует развивать намного шире, чем пошив одежды для егерей.

Ведь если для бедняков 40-е годы XIX столетия стали настоящим крахом и кошмаром, то высшее общество всё ещё находилось под влиянием идей романтизма, в результате чего размеренная жизнь на природе в загородном доме с ежедневными конными прогулками, странствиями по горам и лесным тропинкам становится невероятно популярной. Знать выезжает «на природу» целыми семьями и возвращается в город лишь по особо важным делам или к новому великосветскому сезону. Естественно, что все эти романтические прелести жизни требуют практичной, комфортной и тёплой одежды. Проще говоря, они требуют твида.

Но как ни заманчиво выглядели перспективы, любое денежное вложение – это большой риск. А вложение в экономически неспокойные годы – риск вдвойне. Стоит ли вообще затевать производство, если ту или иную шерстяную ткань женщины делают почти в каждой деревне? Даст ли результат обучение малообразованных ткачих, многие из которых не умеют толком читать и писать? Да и зачем настоящей леди ломать голову над меркантильными вопросами выгоды, прибыли, окупаемости?

Думаю, подобного рода сомнения не могли не беспокоить графиню Данмор. Тем не менее все плюсы и минусы своей затеи она решила проверить на практике. Не трата времени даром, Кэтрин отправляет несколько рукодельниц с острова Харрис на обучение ткацкому делу в город Аллоа, который, к слову сказать, находится на противоположном побережье Шотландии. Здесь им предстояло углубить свои знания и научиться тем премудростям ткацкого дела, которые не были знакомы их бабушкам и не передавались из поколения в поколение.

После того, как работницы вернулись и графиня поняла, что обучение явно пошло им на пользу, она просит их перенести фамильные цвета клана Данмор на твидовую ткань. Это был не просто коммерческий шаг, который позволил разнообразить расцветку и заявить о себе, как о производителе твида. Это было настоящее признание мастерства первых ткачих твида Харрис. Ведь «свои» цвета, которые уникальны для каждого клана и никогда не повторяются, служат предметом настоящей гордости для многих шотландцев. Для этих расцветок существует отдельное понятие – тартан (tartan). Даже сегодня по случаю праздников и торжеств шотландцы одеваются в одежду с тартаном своего клана.

Тартан клана Данмор

Следует отметить, что существует и несколько иная версия, согласно которой первым, кто попросил ткачих с острова Харрис сделать тартан клана Данмор, был супруг леди Кэтрин. Правда, не совсем ясно, в связи с чем граф сделал такое распоряжение. Как бы то ни было, обе версии имеют право на существование, хотя и предполагают несколько разную хронологию событий. Однако вклад леди Кэтрин в развитие твида Харрис остаётся всё таким же значительным.

Благодаря её усилиям производство твида Харрис было поставлено на поток, постепенно набирало обороты и разрасталось. Всё больше жительниц острова присоединялось к надомному производству, внося свой вклад на той или иной стадии обработки шерсти. Ведь до того как попасть на ткацкий станок, она должна была пройти несколько важных этапов.

* * *

Существенным отличием производства твида Харрис от многих других было то, что овечью шерсть здесь выщипывали, а не срезали, поскольку в результате срезания последующая шерсть вырастает более грубой, в то время как выщипывание создаёт качественно иной эффект. После стрижки шерсть сортировали, а затем мыли в горячей воде, чтобы избавить

от любого постороннего загрязнения. Высушив на солнце, её обрызгивали небольшим количеством чёрного масла, которое производилось из печени крупных рыб, для того чтобы в дальнейшем шерсть было проще расчесать. Затем происходил трудоёмкий процесс расчёсывания, чтобы все волокна легли в одном направлении и создали своего рода «ленты». После расчёсывания принимались за прядение, иными словами, из получившегося материала делали нити.

Затем приступали к окрашиванию, перед которым шерсть вновь мыли в щёлоке, смешанном с холодной водой, и только после этого клали в котлы с красителем. Кстати, любопытно, что в отличие от крупных производств, которые, начиная с 1860-х годов, переходили на химические анилиновые краски, твид Харрис по-прежнему приобретал свою расцветку благодаря натуральным красителям.

К примеру, чёрный цвет получали благодаря Ирландскому корню или корню шавеля обыкновенного; цвет сепия – за счёт торфа и сажки; для тёмно-коричневого использовали корень водяной лилии, для разных оттенков зелёного – вереск и ракитник. За все оттенки синего отвечали индиго и черника с купоросом или бузина с квасцами, а коричневый, красный и алый давали местные лишайники. После окрашивания шерсть отдавали ткачам, которые делали саму ткань.

Казалось бы, дело сделано, ткань получена. Но только после всех этих этапов начиналось самое интересное. Обычной шерстяной тканью никого не удивишь, тем более что она по-прежнему оставалась колкой и грубоватой. А как сделать её мягкой, но прочной? Для этого был изобретён процесс валяния и отбивки ткани, который стал ключевым в производстве твида.

Ткань отбивалась руками, ногами или же специальными деревянными молотками. Это была очень трудоёмкая и продолжительная работа, которая могла длиться по несколько часов. Чтобы скрасить свой досуг и сделать работу менее монотонной, работницы вместе пели песни, получившие в народе специальное название – Волкингсонгс (Waulking songs), а сам процесс валяния начали называть *волкинг* (waulking). Ритм этих песен соответствует ритму ударов по ткани. Начинаются песни с довольно медленного ритма, который потом ускоряется – по мере того как ткань становится мягче и податливее. Песни исполнялись в основном на гэльском языке, являвшимся родным для шотландцев.

За столетия производства твида было создано великое множество Волкингсонгс. Говорят, что их большое количество объясняется укоренившейся среди работниц приметой: во время одной «сессии» отбивки песни ни в коем случае не должны повторяться. Как правило, Волкингсонгс повествуют о дальних краях, в которые уплыли мужья, или о разлуке с любимыми. Интересно, что, несмотря на внешнюю сдержанность жителей здешних земель, некоторые песни носили довольно фривольный характер. Возможно, уединившись в чисто женском коллективе, работницы могли себе позволить петь о наболевшем, не боясь косых взглядов и осуждения. Одна из таких нескромных песен называется «Naoidh o» (примерный перевод звучит как «Эй!»). Она наверняка звучала среди прочих Волкингсонгс, исполнявшихся работницами леди Мюррей.

Одна из разновидностей волкинг, при которой валяние осуществлялось ногами

Haoidh o

Ты слышала сплетни о юной девице,
С которой Нил Бэн решил порезвиться
У склона горы среди белого дня?
Увы, то была не я!
Не стала бы рвать я его воротник,
Но, если б порвался, зашила бы вмиг
Серебряной нитью в тончайшей игле
И пятна с рубашки бы смыла в воде.
Как жаль, что судьба не свела тогда нас
Подальше от жадных, завистливых глаз.
Мы шли бы домой, не скрывая свой грех,
Как если бы венчаны были при всех²³.

О волкинге как о способе сочетать работу и весёлое общение часто писали в английских газетах. К примеру, «Данди курьер» («Dundee Courier») от 6 августа 1898 г. оставил нам до статочно подробное описание не только самого процесса валяния, но и тех эмоций, которые вызывала у местных жителей эта совместная работа:

«Каждая девушка в селении отлично знает, кто отдал свой материал ткачихе и когда он должен быть готов. Не быть приглашённой на вечер, отведённый для валяния или, как говорят северяне, для „волкинг“ (waulking), чьё название происходит от стародавнего способа этой работы, которая раньше производилась ногами, означает, что вашей компании не рады. Перед началом волкинг с петель снимается крепкая дверь и кладётся на опоры, после чего с

²³ Перевод Аиды Арье.

каждой стороны садится по три девушки, гордые своим избранием для этой работы. Женщины постарше разворачивают ткань, отмеривают от 6 до 10 ярдов, и обрызгивают её мыльной водой. Волкеры берутся за ткань, и веселье начинается. Кто-то запекает одну из гэльских песен, другие с радостью подхватывают её, и пока удивительное звучание песни не смолкнет, ткань отбивают и резкими движениями передают с одного края стола на другой. Молодёжь следит за работой и смеётся вместе со всеми, если кто-то отпустил удачную шутку или спел забавную песню. Когда ткань даёт усадку примерно на дюйм, берётся следующий отрез, и так продолжается до тех пор, пока в результате пятичасовой работы текстура ткани не станет прочной, плотной и тяжёлой, но, в то же время, мягкой и эластичной. Кроме того, вечера волкинг – это ещё и способ развлечься для жителей селений, в которых обычно ничто не нарушает спокойного течения жизни»²⁴.

После волкинг ткань последний раз мыли, основательно сушили на открытом воздухе, аккуратно заворачивали в жёсткую ткань и относили перекупщику.

Однако ни изматывающий труд валяльщиц, ни мастерство ткачих не могли гарантировать успех твида Харрис, известному лишь в маленьком регионе. О новинке должны повсеместно узнать, о ней должны говорить и по-настоящему желать приобрести. Как видим, реклама в том или ином виде всегда являлась неотъемлемой частью любого производства.

И здесь графине Данмор как никогда пригодился её высокий социальный статус. Ей незачем было ходить от дома к дому с тяжёлыми отрезами ткани, умоляя соседей приобрести у неё хоть несколько ярдов. Ей не приходилось долго доказывать превосходство своего материала перед скептически настроенными зрителями. Леди Кэтрин были открыты все двери лучших домов Великобритании, и ей достаточно было лишь ненадолго появиться в платье из твида Харрис, чтобы о нём начали говорить во всех гостиных.

Итак, Кэтрин не составило особого труда совместить приятное с полезным, дабы «незначай» завести разговор о своём домашнем производстве, а заодно и продемонстрировать великолепную ткань. Результат не заставил себя долго ждать, и уже в конце 40-х годов XIX века через посредников она начинает поставлять отрезки твида для аристократических кругов в Лондон и Эдинбург. Постоянными клиентами и ценителями твида Харрис становятся лица, наиболее приближённые к королевской семье, что уже само по себе является лучшей рекламой.

Получили плоды своих трудов и жители острова. В первую очередь это, безусловно, были деньги, которые помогли островитянам преодолеть ужасы Картофельного голода. Но, если смотреть на проблему шире, то главным результатом организации надомного производства стало исчезновение зависимости от одного-единственного источника доходов. Ещё при жизни леди Кэтрин, в период с 1880 по 1883 г., доход местного населения от производства твида впервые обошёл доход от более традиционных занятий – земледелия и рыболовства. В свою очередь этот факт благоприятно сказался на местной демографии – в конце XIX века здесь проживало 32 600 человек, в то время как в его начале число проживающих составляло лишь одну треть от этого числа.

²⁴ Dundee Courier – Saturday 06 August 1898, «Harris Tweed-making» (Газета «Данди курьер» за 06 августа 1898 г., статья «Создание твида Харрис»).

Герцог Йоркский в твидовом костюме, 1895 г.

Даже после того, как Картофельный голод остался далеко позади, леди Кэтрин не забывала о жителях острова Харрис, продолжая поддерживать их стремление к достойной жизни. Чтобы не было нужды всякий раз посылать ткачих далеко от дома «для повышения квалификации» и отрывать их от семей, по распоряжению леди Мюррей в местечке Ан Т-об (сейчас его чаще называют Левербургом) была основана Школа вышивальщиц. Местные общеобразовательные школы регулярно получали поддержку от леди Мюррей – она заботилась о закупке глобусов, географических карт, иллюстрированных пособий, учебников, писчей бумаги и грифельных досок. Можно сказать, что Кэтрин стала не только хозяйкой этих земель, но и гением места, готовым всегда протянуть руку помощи в тяжёлый момент.

Пример графини Данмор оказался заразительным, и через некоторое время многие знатные дамы вслед за ней начали поддерживать местные кустарные ремёсла. К концу XIX века в целях дальнейшего развития домашнего производства их усилиями были учреждены Ассоциация домашнего производства в Шотландии (1889 г.), Ассоциация домашнего производства и искусств в Хайленде (1890 г.) и Ассоциация мелких арендаторов (1896 г.). О значимости этих организаций говорит хотя бы тот факт, что покровителем Ассоциации домашнего производства в Шотландии стала одна из дочерей королевы Виктории – принцесса Луиза.

Тем временем рынки сбыта твида Харрис и объём заказов постепенно росли, однако Кэтрин не застала пика расцвета основанного ею производства. Он пришёлся на жизнь внуков и правнуков дальновидной леди, когда в одном только 1966 г. было произведено около 7 миллионов метров ткани. Парадоксально, но в бунтарскую эпоху «Битлз» твид был популярен ничуть не меньше, чем в золотой век Британской империи. А это значит, что твиду Харрис удалось достичь самой высокой планки качества, которая остаётся неизменной, несмотря на меняющиеся эпохи.

Кэтрин Мюррей мирно скончалась в 1886 г. в возрасте 71 года. Сложно однозначно сказать, рассчитывала ли она на то, что её усилиями будет создано нечто большее, чем материальное подспорье для мелких арендаторов. Но она определённо была бы рада узнать, что твид Харрис пользуется любовью у покупателей уже на протяжении более чем 160-ти лет и сейчас, в начале XXI века, вновь переживает виток популярности.

* * *

В 1909 г. твиду Харрис была присвоена торговая марка в виде шара с крестом наверху (the Orb Trade Mark), который во многом напоминает королевскую державу. Каждое изделие, изготовленное из оригинального твида Харрис, в обязательном порядке носит на себе этот знак отличия.

В 1993 г. парламентом Великобритании был принят так называемый Акт о твиде Харрис, призванный защитить производителей аутентичного твида от дешёвых подделок. Согласно статье 7 данного Акта, под твидом Харрис понимается исключительно тот твид, который окрашен и изготовлен *вручную* из чистой, натуральной шерсти *жителями Внешних Гебридских островов в своих домах*.

Ручное производство, естественно, не следует понимать дословно. Изготовители, конечно же, используют в своём производстве станки... которые мало чем отличаются от тех, на которых работали во времена леди Кэтрин. По нынешним меркам такой уровень производства действительно равносителен ручному. Но ещё более удивительно то, что ручной труд, мешавший когда-то развитию бренда, стал теперь его преимуществом. В официальном ролике компании, повествующем об истории твида Харрис, закадровый голос с гордостью сообщает нам: *«Сложно представить себе, что в этом механизированном мире массового производства твид, производимый только на одном-единственном острове, всё ещё создаётся вручную»*.

Конечно, та марка, которая добилась защиты в специальном Акте парламента, уже не может считаться рядовой. Однако никакие документы не способны заменить самого главного факта – твид Харрис с далёких Гебридских островов стал частью жизни многих людей. Его используют в своём производстве такие всемирно известные марки, как Torman, Barutti, HugoBoss, PaulSmith, MargaretHowell, Nike, DrMartens, Clarks, а люксовые отели заказывают его для оформления интерьеров. Его открывает для себя всё больше людей в разных уголках мира от Европы до Южной Кореи и Японии. Но самое главное – его просто носят и любят.

И в следующий раз, когда вы увидите на ком-то «скучный» твид с фирменным знаком в виде королевской державы – улыбнитесь про себя со знанием дела. Ведь у этого прочного, надёжного материала и нашей страны есть кое-что общее.

Что ещё можно почитать о графине Данмор?

Насколько мне известно, на данный момент не существует полной биографии Кэтрин Мюррей. Данная глава является одной из первых попыток собрать воедино все события, связанные с её жизнью и вкладом в развитие твида Харрис. Тем не менее, если вас заинтересовала история самого твида и вы неплохо владеете английским, советую прочесть книги «Твид» Фионы Андерсен («Tweed» by Fiona Anderson), «Твид: путь из глубинки на городские улицы» Лары Платман («Harris Tweed: From Land to Street» by Lara Platman) или «Островитяне и королевская держава: история производства твида Харрис с 1835 по 1995 год» Дженет Хантер («Islanders and the Orb: The History of the Harris Tweed Industry 1835-1995» by Janet Hunter).

Само собой разумеется, что в этих книгах вы найдёте упоминание о нашей героине.

Источники и литература:

Книга «Твид» Фионы Андерсен («Tweed» by Fiona Anderson).

Книга «Твид: путь из глубинки на городские улицы» Лары Платман («Harris Tweed: From Land to Street» by Lara Platman).

Книга «Островитяне и королевская держава: история производства твида Харрис с 1835 по 1995 год» Дженет Хантер («Islanders and the Orb: The History of the Harris Tweed Industry 1835-1995» by Janet Hunter).

Газета «Сент-Джеймс газетт» (St. James's Gazette) от 08 июля 1898 года.

Газета «Данди курьер» (Dundee Courier), суббота, 06 августа 1898 года.

<http://www.harristweedscotland.com/our-heritage/>

<https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/>

Книга «Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений», Оксана Захарова.

Книга «Недобрая старая Англия. Женщины викторианской Англии. От идеала до порока», Катя Коути и Кэрри Гринберг.

Глава 3. Святой Валентин из России. Фёдор Дмитриевич и Валентин Фёдорович Морозовы (Япония)

Фёдор Дмитриевич Морозов с супругой

Говорят, первая эпоха глобализма накрыла Евразию во времена Александра Македонского, сумевшего на некоторое время объединить под своей властью Грецию, Персию, Финикию, Палестину, Египет, часть Средней Азии и Индии. В попытке сплотить разношёрстное население покорённых территорий Александр выбрал в качестве основы для своей новой империи близкую ему эллинистическую культуру, чьи язык, философия, искусство и религия постепенно начали распространяться повсюду. И несмотря на то, что огромное государство раскололось на несколько частей сразу после смерти великого завоевателя, его старания не прошли даром и дали причудливую поросль.

В Египте воздвигались храмы Амону-Зевсу, вобравшему в себя черты обоих божеств. Индийские скульпторы высекали статуи Будды с учётом греческих канонов. На территории современных Афганистана, Пакистана и частично Индии возник и распространился греко-буддизм – уникальное культурно-религиозное течение, которое современному человеку весьма

сложно себе вообразить²⁵. Новые сплавы культур и традиций далеко не всегда оказывались жизнеспособными, но наиболее удачные из них просуществовали не одно столетие.

Схожая по своей силе волна новшеств захлестнула нашу страну с приходом 1990-х годов, когда всего за несколько лет русская речь запестрела английскими словами, а такие невообразимые ранее вещи, как современный бизнес, американские фильмы, японская техника и прочее, начали осваивать новую территорию. В свою очередь сочетание русской почвы со всем вышеперечисленным дало не менее замысловатые всходы, чем греко-буддизм.

Впрочем, реакция населения на невообразимый калейдоскоп событий оказалась вполне традиционной: молодые с упоением ловили ветер перемен и подставляли ему свои лица, а вот старики с недоверием морщились, бранились и волей-неволей сравнивали эти перемены со старыми добрыми временами. Сравнение, конечно же, оказывалось не в пользу «новых веяний». Однако постепенно и заграничная техника, и иномарки, и обилие магазинов сделались привычными и уже не вызывали отторжения. Другое дело – ранее неизвестные нам обычаи и праздники. Старшим поколением они были встречены в штыки и единодушно признаны вредными для молодёжи.

Но почему-то ни цветной праздник Холи, ни развесёлый святой Патрик с кружкой ирландского пива, кажется, не сталкиваются с таким неприятием, как День святого Валентина. Уже не первый год он становится причиной ожесточённой полемики на самых высоких уровнях, где его то обвиняют в непристойности, а то и всерьёз пытаются запретить чуть ли не на законодательном уровне.

То ли дело – наши привычные праздники! В них – глубина, солидность, степенность. А эти новомодные веянья – всего лишь сиюминутная прихоть! Ну разве может хоть у кого-нибудь в здравом уме ассоциироваться Россия с каким-то Днём святого Валентина?!

Оказывается, может.

Произнесите при японце простую русскую фамилию «Морозов» – и вы можете быть уверены, что в его голове возникнет именно эта дата – 14 февраля. Вполне возможно, что он даже понимающе улыбнётся и закивает головой – мол, знаем, знаем мы вашего Морозова! Привил нам новую традицию – День святого Валентина справлять!

Не верите? А зря. В бесконечном калейдоскопе стран и народов можно обнаружить и не такие хитросплетения.

* * *

В какой именно день начался путь русского эмигранта Фёдора Морозова в страну Восходящего солнца – доподлинно неизвестно. Впрочем, можно с лёгкостью восстановить картину, которую наверняка наблюдал Морозов, прощаясь с американским материком. В 1924 г., как и сегодня, порт Сиэтла – «Врата на Аляску» – мог смело состязаться за первое место среди мировых портов не только своими размерами, но и невероятной суетой, царившей здесь семь дней в неделю, двадцать четыре часа напролёт. С самого раннего утра пристань наполнялась рабочими, моряками, пассажирами и провожающими, мельтешившими рядом с тоннами невозмутимой стали, словно рой мошкары под сенью дуба.

«Дорога в тысячу ли²⁶ начинается с первого шага» – гласит известная китайская пословица. Для семьи Морозовых этот шаг был сделан, когда они вступили на палубу одного из трансатлантических пароходов и стали медленно отдаляться от Сиэтла. Стоя на палубе и вглядываясь в плавно удаляющийся берег, предприимчивый глава семейства наверняка уже строил

²⁵ Греко-буддизм существовал и развивался с IV века до н. э. по V век н. э.

²⁶ Ли – название двух китайских единиц измерения расстояния.

планы на будущее и перебирал в голове все возможные варианты: как они обустроятся, чем будут зарабатывать на жизнь, куда пойдут учиться дети. А вот прислонившийся к перилам сын Валентин, мальчик лет восьми, скорее всего был озабочен вовсе не увлекательным переездом в новую страну, а незавершёнными делами. Работая разносчиком газеты «Seattle Post-Intelligencer», мальчик занял у издательства полтора доллара, но отдать до отъезда так и не успел. Этот, в общем-то, незначительный эпизод надолго запомнится Морозову-младшему, ведь такие качества, как честное и бережливое отношение к деньгам, воспитывались в семье с самого детства.

Как и многие другие русские предприниматели, начавшие своё дело в XIX веке, Морозовы происходили из крепостных. Дед Фёдора Морозова, которому посчастливилось получить вольную задолго до Манифеста об отмене крепостного права, открыл своё дело ещё в 1820 г. Так что к началу XX столетия Морозовых можно было считать купеческой семьёй с вековой традицией.

До того как попасть в Соединённые Штаты Америки Фёдор Дмитриевич Морозов держал в Симбирске фабрику по производству сукна, где, в частности, на протяжении Первой мировой войны (в 1914–1917 гг.) шили и военную форму. Однако сразу сделаем оговорку, что несмотря на общую фамилию и род деятельности купцы Морозовы из Симбирска не имели никакого отношения к легендарным московским текстильным фабрикантам Морозовым²⁷. Но и для тех, и для других революционные потрясения 1917 г. означали конец привычных купеческих дел. Оставшись без национализированного предприятия и не желая становиться случайными жертвами Гражданской войны, симбирские Морозовы довольно быстро приняли решение эмигрировать.

Первым приютившим их заграничным городом стал Харбин, который в 1920-е годы внезапно для самого себя оказался домом для свыше 100 000 русских эмигрантов²⁸.

Для интересующихся русской историей рубежа XIX–XX веков название города «Харбин», можно сказать, знаковое. Его в первую очередь связывают со значительным наплывом русских беженцев, покинувших родину после окончания Гражданской войны. Действительно, Харбин стал одним из самых значительных мировых центров эмиграции из Российской империи. Между тем основанный в конце XIX века Харбин задумывался как одна из опорных станций Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Именно этот отросток от Транссибирской магистрали обеспечивал присутствие русских в Китае, который на тот момент стал предметом пристального интереса мировых держав.

В общей сложности можно выделить два основных этапа переселения людей из России в Харбин: первый – это период его строительства, начиная с 1898 г., второй – после революции, преимущественно в начале 1920-х годов. Контингент этих двух волн в массе своей сильно отличался. На первом этапе поселение нуждалось в архитекторах, строителях, технических специалистах-путейцах, инженерах и военных. Чуть позже к ним присоединились купцы, поскольку выгодное расположение Харбина обеспечивало развитие торговли. Харбин быстро стал преимущественно русским городом, однако в то же время его многонациональность по-настоящему потрясает. Татары и евреи, китайцы и эстонцы, немцы и поляки – каждая диаспора смогла найти свою нишу в Харбине, каждая строила свои храмы и не мешала соседям. Таким образом, торговый город с этнической точки зрения стал Россией в миниатюре, ведь здесь были представлены почти все населявшие её народы.

²⁷ Морозовы – старообрядческий род купцов и крупных промышленников России. Список богатейших предпринимателей России (1914), составленный журналом «Форбс» в начале XX века, поместил их на пятую позицию.

²⁸ Как вспоминали современники: «Харбин был исключительным явлением в то время. Построенный русскими на китайской территории, он оставался типичным русским провинциальным городом в течение ещё 25 лет после революции. <...> Харбин на четверть века продолжил нормальную дореволюционную русскую жизнь» (Архиепископ Нафанаил (Львов)).

Харбин начала 1920-х гг.

Вторая же волна привела с собой, с одной стороны, крестьян и казаков, с другой – интеллигентов и значительное количество творческих людей, благодаря чему в Харбине очень быстро возникли свои театры, синематограф, редакции 24-х печатных изданий, кафе и рестораны, библиотеки и музеи и, наконец, собственные высшие учебные заведения, собравшие самый блистательный профессорский состав. Пожалуй, в момент расцвета Харбина не было такой области знаний, специалиста в которой здесь нельзя было бы отыскать: начиная с химии и заканчивая китаеведением.

Мы не станем слишком сильно углубляться в историю Харбина, которой посвящены обстоятельные исследования, но, надеюсь, что даже по представленной на этих страницах информации можно понять, почему тысячи беженцев, включая Морозовых, стремились попасть именно в этот город.

Находясь в Харбине, Фёдор Морозов какое-то время оказывал финансовую помощь Белому движению, однако в 1923 г., когда победа большевиков стала очевидной, решил двинуться на Запад – в США. Сिएгл встретил семью Морозовых не слишком приветливо: Фёдор Дмитриевич нанялся мойщиком вагонов, а его маленький сын Валентин – разносчиком газет. Впрочем, Морозовы не чурались никакого дела, если оно помогало честно прокормить семью. Возможно, они остались бы в Америке навсегда, если бы не гибель зятя, устроившегося на работу лифтером.

Почему именно эта трагедия наложила столь глубокий отпечаток на всю семью – мне выяснить не удалось. Однако Морозовы снова приняли нелёгкое решение об отъезде, покинули США и двинулись фактически в обратном направлении – вновь на Восток! Только на этот раз не в Китай, а в гораздо менее популярную среди русских эмигрантов Японию.

Харбин начала XX века

Страна гейш и хризантем почти никогда не рассматривалась бывшими подданными Российской империи в качестве новой родины; скорее, она воспринималась как некий перевалочный пункт на пути в ту же Америку или Австралию. И тому есть масса объяснений – начиная с огромной разницы в культуре и заканчивая фактом бесславного поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. В этом смысле история Морозовых, сделавших выбор в пользу Японии, кажется вдвойне уникальной.

С февраля 1920 г. переезд в Страну восходящего солнца осложнился ещё и введением так называемой «системы предъявления наличных денег». Боясь излишнего наплыва эмигрантов, японское правительство стало требовать от каждого прибывающего подтверждения наличия при себе денежной суммы в размере 1500 йен на каждого члена семьи. Проще говоря, потенциальный подданный императора должен был доказать свою платёжеспособность.

Подобной суммы у Морозовых не было. В кармане главы семейства вместо необходимых 3000 долларов нашлось лишь 375. Но помогла смекалка, о которой нам известно благодаря мемуарам Фёдора Морозова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.